Роль чужака

Автор:
Юрий Иванович

Роль чужака

Юрий Иванович

Магия – наше будущееРаб из нашего времени #9

Легендарный «Раб из нашего времени» Борис Ивлаев наконец-то отыскал своих подруг на просторах мира Трех Щитов. Но как показаться им в том виде, который он обрел в результате невеселых своих приключений? Разве может быть этот лысый, покрытый шрамами мужчина их старым другом и любовником! Вот и решил Борис для начала осмотреться. Тем более что война со зроаками продолжается, и нельзя сказать, что доблестные войска императрицы Марии Ивлаевой-Герчери одерживают над ними блистательные победы…

Юрий Иванович

Раб из нашего времени. Книга девятая. Роль чужака

© Иванович Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава первая

Герои и трагедии

Посыльный ввалился в светлицу с таким грохотом и напором, словно штурмовал личную спальню императора зроаков. И дверь чуть не вынес, и сапогами топал, и шпорами звенел, и всем остальным железом на себе гремел о косяки, словно делал это специально. Ещё и кричать начал что-то, наверняка считая, что без его срочного сообщения мир рухнет в тартарары, не иначе.

Тем более он поразился оказанной ему встречей. Рот его заклеило нечто ватное и тягучее, мешая даже выдохнуть. Два личных телохранителя императрицы метнулись к посыльному беззвучными молниями и не просто остановили или сбили с ног, а приподняли над полом и прижали к себе. А главный воевода эйтранов, Юлиан Некрут, уже стоял почти рядом, занося кулачище для внушительного удара по лбу. Просто чудо, что он успел расслышать в наступившей тишине шёпот главнокомандующего имперскими войсками Апаши Грозовой:

– Юлий, стой!

Ну, он и сдержал кулак ценой неимоверного усилия. Зато теперь сам зашипел в лицо растерянного, задыхающегося воина:

– Если ты разбудил императрицу, я тебя!.. – Похоже, он всё-таки хотел завершить удар. Хотя бы несильно, но настучать по лбу слишком ретивому посыльному. Но Апаша уже стояла рядом, движением ладошки забирая с лица прибывшего магический кляп и делая строгие наставления максимально тихим голосом:

– Тише! Ты не на пожаре! Соображать надо, капрал, прежде чем в верховную ставку так врываться! И как ты только прорвался?..

Бурно задышавший капрал с хеканьем попытался объяснить:

– Так я… бегом! Не успели… сбить…

– А-а! Ну, тогда понятно. Но всё равно наружная охрана будет наказана. Мария двое суток не спала, с ног валится, всех предупредили, чтобы даже вне дома не

шумели, а ты!..

Воина, который ко всему ещё числился личным ординарцем полковника егерей, уже поставили на пол, и весь его вид выражал такое крайнее раскаяние и печаль, что Юлиан спрятал свой кулак за спину и проворчал:

– И кто вас таких инициативных и шумных рожает, а? – На то, что капрал не совсем чист, покрыт пятнами крови, пыли и весь в боевых отметинах, он старался не обращать внимания. Хотя как раз этого посыльного с огромным нетерпением в ставке ожидали уже несколько часов.

– Что хоть за новости ты принёс? – спросила Грозовая, возвращаясь к столу и жестом увлекая посыльного за собой. – Только шёпотом докладывай.

Выглядел капрал карикатурно, когда двинулся за ней на цыпочках, всё равно при этом позвякивая шпорами. Тут уже главный воевода ухватил парня за плечо и приказал с приглушённым рычанием:

– Стой лучше на месте! И докладывай, не тяни. Что там с вашими?..

Вот тут и скрипнула дверь из спальни, выпуская на свет Марию Ивлаеву-Герчери. Хмурая, осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами и заметно похудевшая в последние дни, она только одним своим видом вызвала стон у Апаши Грозовой, ещё большее рычание у Юлиана Некрута и лязг зубов у ретивого капрала, попытавшегося встать смирно.

Императрица прошла к столу, уселась и сразу потянулась к горячему чайнику. Наливая себе в кружку крепкий чай, без всякого раздражения или досады просветила окружающих:

– Зря на парня вы тут шипели. Я уже и не спала… Сон дурацкий приснился… Представляешь… – Она полуобернулась к главнокомандующему и доверительно продолжила: – Вначале какое-то жуткое сражение с взрывами и реками крови, а потом чей-то гнусавый голос начал мне твердить, что мои приказы не выполняются, пленных тайланцев убивают самыми изуверскими способами. А? Как тебе такой кошмар? Или это неспроста?

Апаша грузно уселась рядом, но не спешила отвечать на вопрос. Вместо этого попыталась подсунуть Марии стакан с соком. При этом её черты, тон и легендарная стальная выдержка неожиданно сменились мягкими чертами заботливой, исстрадавшейся матери:

– Может, лучше фрукты? Или булочку с маслом?.. А то от крепкого чая ты вон и так не спишь. А потом кошмары снятся… – Смутилась под укоряющим взглядом Ивлаевой, вспомнила, что они не одни, и вновь мгновенно изменилась. Подобралась, расправила плечи, взгляд окаменел, и вновь стала той самой «грозой всего и вся», что возникает и мешает на пути молодой империи. И рассуждать стала деловито:

– Любой сон, особенно тебе, – это знак свыше. Так что немедленно надо проверить. Хотя в последние дни к нам в плен тайланцы не попадали. А те, что есть, под строгим учётом и контролем…

Тут со стороны героя-посыльного раздался несмелый кашель, коим он пытался привлечь к себе внимание. Привлёк. Императрица так на него взглянула, что он без единого приказа из её уст зачастил словами доклада, ради которого и прибыл в ставку:

– Попытка нашего егерского полка прорваться через Борнавские долины на Грохву и далее на соединение с войсками Леснавского царства не удалась. Лошадей захватили достаточно для формирования полноценной колонны, но навстречу враг двинул элиту своей рыцарской конницы, усиленную сотней тяжёлых рыцарей тайланцев, которые вели тыловое прикрытие колонны. Получилась западня, в которой полк заперли с двух сторон. В лоб нас атаковали шестьсот, а с тыла двести рыцарей. То есть противник численно превосходил нас вдвое, достигая общего количества в восемьсот особей…

Императрица прервала посыльного звоном колокольчика и выкриком:

– Секретарь! – И тут же приказала докладчику: – Продолжай! – Но стоило видеть, насколько горькая печаль омрачила не только её осунувшееся личико, но и лица всех присутствующих в комнате. Все однозначно предположили только одно: полк егерей в четыреста двадцать отборных универсальных воинов перестал существовать. И теперь все с нарастающей тоской готовились выслушать подробности. А на лихого капрала поглядывали так, словно он единственный

остался в живых из всего полка.

– …соотношение потерь таково, – продолжил с неуместным задором посыльный. – С нашей стороны сто пятьдесят три человека убитых, более ста раненых, жизнь которых уже вне опасности, помощь им оказана на этой стороне гор Велеса. Сказалось своевременное решение командира полка, который дал приказ двум с половиной сотням егерей незамедлительно разворачиваться и прорываться назад. Отряд прорыва справился с задачей, уничтожив колонну людоедов в тылу, но сам при этом понёс тяжелейшие потери в количестве восьмидесяти двух павших. Но основное сражение произошло во время фронтального столкновения на линии основного удара. Там развернуться в широкую цепь мешала узкая дорога и не совсем пригодные для конного манёвра обочины…

Считать хорошо умели все. Поэтому быстро отняли, сложили и умножили, получив в уме совсем уж нереальное соотношение: в лоб колонну зроаков в шестьсот рыцарей атаковали всего лишь сто семьдесят егерей. И среди них пало семьдесят. Значит, по всей видимости, остальные своевременно отступили. Только как они тогда смогли захватить с собой «более ста» тяжелораненых товарищей? И ведь наверняка многие имели лёгкие ранения, при которых оказывать помощь кому бы то ни было проблематично. Не так ли? Тогда какими силами и каким чудом эти легкораненые ещё сумели оторваться от погони? В придачу скрыть все следы своего выхода через тоннель на ту сторону гор? Потому что последнее считалось обязательным условием для полковника, уговорившего императрицу и главнокомандующего дать ему разрешение для грандиозного рейда по тылам врага.

По этой причине Апаша Грозовая не смогла смолчать, прерывая посыльного:

– Капрал! Я правильно поняла: тайна тоннеля зроаками раскрыта?

– Никак нет, госпожа командарм! – постарался тот по-молодецки расправить плечи. Не тушевался, однозначно считая себя героем, лично принимавшим участие в таком эпохальном сражении. – Вчера вечером полк организованно отошёл к горам. Потом в наступившей темноте сместился к выходу тоннелей на поверхность и при помощи интендантских рот обслуживания тоннелей быстро эвакуировал внутрь раненых, тела наших погибших товарищей, захваченных пленных и самые ценные трофеи…

Тут уже сама императрица не выдержала:

– Какие трофеи?! – а главный воевода эйтранов вторил ей, словно эхо:

– Какие пленные?! – и только Грозовая сделала логическое предположение:

– То есть основная колонна людоедов повернула вспять и сбежала с поля боя?

– Никак нет! – еле скрывая радостную улыбку, рявкнул капрал. – Основная колонна врага уничтожена почти полностью. С поля боя, по разным оценкам, сумело уйти не более двух-трёх зроаков.

Такому вообще никто не мог поверить. А Юлиан Некрут, так и не севший за стол, опять сжал кулак:

– Ты не умеешь делать доклады или специально над нами издеваешься?

– Только не надо горячиться! – тут же встала на защиту воина Мария Ивлаева. – Мы сами не даём ему толком высказаться и сбиваем своими вопросами. Давайте помолчим и выслушаем до конца. Рассказывай!

Стоило видеть, с какой благодарностью и восторгом воин смотрел после этого на императрицу. Он-то её и раньше боготворил, но сейчас видно было: поглупел от счастья и высочайшего доверия находиться так близко и общаться с самой дочерью богини Герчери. Но слова дальнейшего доклада из него и дальше вылетали вполне связные, дельные и рассудительные.

По ним получалось, что полк егерей спасли две вещи. Сообразительность его командира и некие неразгаданные чудеса.

По первому пункту всё казалось удивительным, но хоть объяснимым. Полковник, всегда отличавшийся своей невероятно развитой интуицией, можно сказать звериной, заранее и довольно точно прочувствовал место главного столкновения с противником. Поэтому отослал вперёд только двадцать добровольцев, которые и ринулись колонной за ближайший поворот. Тогда как все остальные, универсальные воины, быстро спешились и успели занять весьма удобные позиции на склонах окружающих дорогу оврагов. Авангард вступил в рубку,

почти сразу потеряв десять человек. Остальные сумели развернуться, уводя всю колонну людоедов за собой. И вот там врага встретили рухнувшим градом стрел. Ведь егеря изначально умели в десять раз лучше стрелять из луков, чем атаковать в конном строю тяжёлой кавалерии. В итоге дорога оказалась покрытой грудой окровавленной плоти, в которой полегли чуть ли не три сотни элитных воинов империи Гадуни. Причём путь оказался совершенно непроходим для верховых. Поэтому в какой-то момент лучники остались без работы. Никто из-за поворота больше не показывался, а грохот боя за ним нисколько не ослабевал.

Хоть это и было очень рискованно (стрел фактически больше не осталось), полковник приказал подчинённым выдвинуться ближе к противнику, непосредственно по гребню холмов. Вот тогда все и увидели необъяснимое чудо, которое растолковалось позже только частично. Второй участок дороги и все буераки вокруг него тоже оказались завалены трупами зроаков в общем количестве где-то под двести пятьдесят особей. Только и пришлось лучникам уничтожить десятка два подранков. Да чуть позже ходить с ножами и со слезами на глазах добивать несчастных покалеченных лошадей, коих в сумме было тоже за две сотни.

А вот третий участок дороги, за вторым поворотом, к тому времени уже прочно оседлали лысые тайланцы, которые встали на пути людоедов, пытающихся покинуть поле боя. То есть та самая сотня бывших предателей, которая решила искупить свою вину кровью, нанеся неожиданный удар в спину врага всего человечества.

Сами тайланцы соответственно понесли внушительные потери, около сорока погибших и тридцать тяжелораненых, но свои позиции отстояли. Они же в основном потом и транспортировали своих раненых, помогали собирать трофеи и пытались дать объяснение тому, что и почему творилось на среднем участке дороги. Сами они толком не видели ничего, как и егеря, но утверждали только одно: зроаки сцепились друг с другом.

Дальнейшие вопросы и ответы казались до банальности простыми. Почему сцепились-то? Сошли с ума. С какой стати потеряли разум? По вине нескольких Трёхщитных из их состава, которые использовали неправильно какое-то страшное заклинание. То есть виновато заклинание? Несомненно! Носители щитов просто «не донесли» заклинание до места основного сражения и «уронили» среди своих. А почему такие страшные раны у рыцарей и лошадей?

Так Трёхщитные тоже с ума сошли, вот и начали вокруг себя всё уничтожать огненными эрги’сами огромной силы.

Вот и получилось, что если бы не данная счастливая случайность в рядах самих людоедов, от полка егерей мало что осталось бы. И так потери выглядели не маленькими. Но исходя из того, как оно было на поле боя, в западне, капрал имел все права радоваться за себя, за своих товарищей и за своего командира. А уж по соотношению потерь – всего сто пятьдесят три у себя, на более чем семьсот у врага – каждый егерь тотчас становился вровень с самыми легендарными героями.

Как только капрал окончил и приготовился отвечать на заготовленные в большом количестве вопросы, Мария первым делом кивнула давно стоящему в дверях секретарю. А пока тот подошёл к столу, пожаловалась Апаше:

– Ты права, сон в руку. Вон сколько пленных появилось у нас. Не удивлюсь, если к тяжелораненым тайланцам кто-то и отнесётся с предубеждением. Поэтому! – перевела она взгляд на секретаря. – Хватай всех наших целителей и мчитесь к тоннелю. И пусть немедленно заковывают в кандалы тех, кто не успел или не захотел оказать помощь раненым. Бегом!

Затем тяжело вздохнула и уставилась на посыльного. Позволила себе вымученно улыбнуться, прежде чем заявить:

– Конечно, потери у вас всё равно страшные. Предпочла бы не знать о мёртвых зроаках, но видеть всех твоих товарищей среди живых… Но вы всё равно герои! И каждый из вас получит щедрую награду из моих рук. Так и передай всем своим однополчанам. Да и сама я скорей всего туда отправлюсь… м-м, часа через два.

Она не заметила, как Апаша Грозовая многозначительно переглянулась с Юлианом Некрутом и оба одновременно покачали отрицательно головами. Никуда они императрицу отпускать не собирались, пока она не выспится. Только ещё пока не могли сообразить, как это сподручнее сделать, как заставить строптивую дочь богини лечь и уснуть. Тем более, если все целители, могущие незаметно усыпить императрицу, уедут немедленно из ставки.

Поэтому главный воевода эйтранов направился к выходу, увлекая за собой капрала со словами:

– Идём, вначале перекусишь и заодно мне некоторые подробности расскажешь… А! И вы тоже пока снаружи постойте! – это он телохранителей вывел из светлицы.

А когда дверь за ними закрылась, Апаша уже не стала церемониться и выбирать выражения:

– Да сколько можно тебя уговаривать?! Ты ведь скоро ходить от усталости не сможешь! Так и умереть недолго!

И тут же была ошарашена ответными действиями Марии. И не просто ошарашена, а на некоторое время окаменела от неожиданности. Девушка вдруг придвинулась к грозной воительнице, прильнула к её груди и истошно зарыдала. Только после минуты сотрясающееся тело выдало несуразные фразы:

– А зачем жить?.. Если меня никто не любит?..

Грозовая чуть глаз не лишилась от услышанного, настолько те вылезли из глазниц. И вначале даже задохнулась от возмущения. Как такое можно сказать?! Ведь Марию любили, обожали все подданные империи! Каждый готов был за неё жизнь отдать! Да и с мужской точки зрения самые лучшие, самые великие воины были готовы по малейшему знаку вырвать у себя из груди сердце и вручить его своей повелительнице.

Но через минуту интенсивного размышления главнокомандующая поняла, что не в этом дело. Не о той любви причитала молодая Мария Ивлаева-Герчери. Скорей всего, она ждала выхода другой, именно своей любви, которая теснилась в её сознании и рвалась на свободу.

Но полюбить императрице было некого. Пока…

Глава вторая

Пагубные пристрастия

Я никогда в жизни не курил. Даже не пробовал. Вначале был маленький. Потом в десять лет стал инвалидом. Чего ж себя ещё и дымом травить? Да и среди родных никто не курил, так что положительных примеров хватало. Подруги-защитницы сами не курили и мне бы не дали, возжелай я побаловаться дымком. В школе тоже везло: на меня никто внимания не обращал, так что пристраститься к пагубной привычке было не с кем.

Поэтому весьма странным мне показался сон, в котором я курил. Что это сон, я понял сразу, потому что там было целых две не умещающихся в сознании вещи: я курил не один (это был первый нонсенс, но ещё как-то мог уложиться на подсознание), я курил в компании с моей мамой. А это уже вообще ни в какие ворота не лезло!

Причём курили мы по очереди: вначале мать втягивала дым из большой индейской трубки, потом мне её передавала. Тогда я втягивал много дыма, ничуть не закашлявшись и не поперхнувшись. Причём дым казался невероятно вкусным, пах копчёными колбасками, черносливом и абрикосами одновременно. И уж никак не походил на ту вонь, которой иногда меня окутывало на улице от впереди идущего по тротуару курильщика.

Вот я и подумал (во сне), что этот сон вещий. Надо будет его только запомнить хорошенько, как остальные я помнил, а потом смотреть и ждать, когда он сбудется. Логика мне подсказала, что такое не сбудется никогда, и подкинула идею:

«Подобная чушь тебе снится по причине твоего нового, честно говоря, совсем уж идиотского имени. И раз ты назвал себя Чингачгук, то тебе положено будет курить трубки мира до самой смерти».

Курить «до смерти» не хотелось. По этой причине очередная затяжка мне не пошла, спазмы сдавили горло, я стал задыхаться и… проснулся.

Открыл глаза. И замер, рассматривая странного типа, застывшего от меня лицом всего лишь сантиметрах в тридцати. Если так прикинуть, то он весьма напоминал меня недавнего: покрасневшая лысина на голове с несколькими порезами, шишками и потертостями. Лоб, скула и бровь рассечены, покрыты сукровицей. Нос распухший, вправленный после перелома. Губы тоже распухшие, в двух местах лопнувшие. Не красавец, в общем. Только у меня ещё

и брови с ресницами отсутствовали, выжженные во время того памятного побега от шаманов когуяров.

Тип пялился прямо в мои глаза и медленно выдувал на меня клубы того самого дыма, который недавно приснился. Якобы… И естественно, что моя новая попытка вдохнуть привела к ещё большим спазмам в организме. Сам поражаюсь, как мне удалось из себя выдавить вместе с хрипом:

– Что творишь, гад?! Я ведь не курю! – после чего так глубоко закашлялся, что чуть сознание не потерял и внутренности не выплеснул из себя от рвотных потуг.

Слёзы застлали глаза. Вскочить или перекатиться тоже не удавалось. И я понял, что крепко связан. А потом и о дальнейшем догадался: раз вижу перед собой тайланца, пытающего меня дымом, значит, я у них в плену. Наверняка эти прислужники людоедов меня поймали и приступили уже к планомерным мучениям.

«Стоп! – проснулись логика и память. – Но мы же явно слышали голоса иных людей, которые не хотели нас лечить! Какой-то целитель и его помощница собирались вырезать из моих внутренностей Первый Щит! Нас приняли за лысого тайланца, которого по приказу какой-то императрицы оставили в живых… Как-то так…»

На этом логика сдулась, потому что отыскать императрицу, отдавшую подобный приказ, – это уже нонсенс по умолчанию. Если всё-таки думать в том же направлении, то получалось: у меня были или есть галлюцинации. Иначе говоря, бред. Только следовало выяснить, раньше я бредил – или сейчас. И уже от этого топтаться дальше. А может, всё сейчас происходящее мне снится дальше?

Ущипнуть я себя не мог. Так что попытался хотя бы перестать кашлять. Ну и проморгаться постарался, чтобы слёзы не мешали видеть. Хоть и с трудом, но получилось: противная побитая харя вновь появилась передо мной в густом дыму. Только теперь харя самодовольно улыбалась, показывая дырки от трёх выбитых зубов.

Точно кошмар мне снится! Галлюцинация!

Но и этого оказалось мало: слух стал улавливать и слуховые галлюцинации:

– …ы… ыши…

«Картина Репина «Ыый» – нашёл в себе я силы на чёрный юмор, припомнив, что есть такая картина «Вий», по мотивам повести Гоголя. – Только здесь не просто картина, а натуральное кино. Если вспомнить последнее, за что я могу ручаться… – Тут внутренний голос попросил задуматься, могу ли я в таком состоянии хоть за что-то ручаться. Но я спорить с ним не стал, просто проигнорировал. – …то это – падающий на меня лошадиный круп. И не просто круп, а ещё и прикрытый рыцарской бронёй. После такого удара не выживают. А если выживают, то потом доживают остатки дней своих с очень нехорошей улыбкой на лице. Может, и я с проломленной «крышей»?.. Может, и себе попробовать улыбнуться?..»

Решил и попробовал. Чем вызвал ещё более радостную улыбку на лице моего палача и усиление звука вдвое:

– Ты меня слышишь?.. Ха! Точно слышишь! Раз лыбишься, значит, дело пошло.

Лучше бы оно не шло! Никуда! Я пожалел о своём неуместном сарказме. И решил больше не проявлять ни малейшей инициативы. Ибо если я сейчас не в кошмаре, то скоро я вылечусь. А когда я вылечусь – я стану сильным. Ну и понятно, что с новыми силами я и этой роже покажу, где раки зимуют, и всем остальным тварям вокруг меня не поздоровится.

Увы! Моего решения затихнуть и не отсвечивать больше палач не оценил. С появившимся фанатичным блеском в глазах он заговорщицки прошептал:

– Дым помог, теперь дело за микстурой! Готовься!

Издевался. Потому что от меня ничего не зависело. Он же приподнял мне голову, и он же влил что-то в рот. И тут же зажал нос пальцами. Да я первый раз и не сильно испугался, глотнул. И тут же понял, что это я глотнул: вонючая, гадкая, мерзкая и одновременно ядрёная самогонка. Я подобную несколько раз видел, нюхал и даже пробовал на язык ещё в раннем детстве. Потом помню, что долго плевался. В Лаповке многие гнали аналогичный «термоядер», деревня всё-таки. Но с тех пор меня бы и под угрозой расстрела не заставили пить подобную

дрянь.

А тут и не спрашивали.

Кажется, я захлебнулся и утонул. Когда меня откачали, экзекуцию повторили вновь. И вновь. И вновь. Дым – самогон. Дым – самогон. Покурил – утонул. Покурил – утонул. Со счёта своих утоплений и оживлений я сбился сразу.

Что больше всего смущало – что мой палач меня ни о чём не спрашивал. Ни о чём не выпытывал. Ни в чём не требовал признаться. Не желал узнать вселенских тайн. Даже имени не спрашивал. Просто мучил. Тривиально радовался всё больше и больше. Хотя я давно порывался признаться, что я Борис Ивлаев, с Земли, убил императора зроаков, никакой я не барон, развратник, обобрал Первого Лорда, больше так не буду. Да и во всём другом, наверное, признался бы. Но!.. Приходил в себя от дыма, жутко кашлял и вновь отключался от вливаемого в меня самогона. Как в таком состоянии признаваться-то?

И я в конце концов догадался:

«Да он садист! Маньяк! А то и просто ставит надо мной опыты! И никакой это не кошмар, а самая натуральная действительность! И если я сейчас не умру, то точно потом… умру!»

Вот тогда и ощутил, что сильно, скорей всего мертвецки, пьян. Вливаемый насильно самогон сделал своё чёрное (зачёркнуто) благое дело. Мне стало всё по барабану. Ха! Мне стало почти хорошо! Даже морда моего мучителя вдруг показалась вполне милой, доброй и симпатичной. И в очередной момент я успел выговорить, перед тем как закашляюсь:

– Всё, я г-г-готов! Мне б-б-больше не н-наливать!..

Кошмар сразу же перешёл в иную стадию:

– Ну, наконец-то! Тебя хоть понять можно теперь!

– А-а р-р-раньше? – выдавил я из себя, заметив, что говорю со странным заиканием.

– Раньше тебе только казалось, что ты говорил. На самом деле только мычал и блеял. Да и теперь давай не будем отвлекаться на пустопорожний разговор. Времени у нас совсем мало: микстура вскоре тебя совершенно пьяным сделает, а потом на полсуток откат наступит. Ты отключишься совершенно. А поговорить с тобой надо немедленно, кровь из носа. И так удивляюсь, как имперцы к тебе допустили.

– Им-м-мперцы? – озадачился я.

– Во! Сразу вижу, что ты удивлён! И тогда наши догадки верны: ты не слышал об империи Герчери?

– Н-нет! – моё заикание ещё пока не раздражало, меня интриговал разговор.

– И ты до сих пор не знал, что княжество Тайланов вошло в состав империи?

– Откуда?!

– И что любого тайланца императрица приказала брать в плен живым, нанося как можно меньше ранений?

– К-к-кая им-м-мпертрица?

– Дочь богини Герчери! Да и долго рассказывать. Всё с тобой понятно: тебя зроаки держали в своих рядах, не давая выйти на контакт с земляками. Многие наши до сих пор воюют с людоедами в одном строю, не зная, что они нам уже совершенно не союзники. А что такое Герчери, не скажу. Тем более что мы сами не до конца все подробности знаем образования этой странной империи. Но в любом случае наше княжество вошло в её состав вместе с Шартикой, эйтранами и какими-то белыми кречами. В нашем отряде мы об этом узнали давно, и все сговорились бежать или ударить зроакам в спину. Но нас держали в тылах, изолировав от всего мира. А позавчера из-за дикой спешки нас всё-таки бросили на прикрытие арьергарда их рыцарской элиты. Они устроили ловушку полку имперских егерей и намеревались их попросту смять численным преимуществом с двух сторон.

– И? С-смяли? – вот теперь уже заикание стало доставать понемногу.

– Наоборот получилось. Трёхщитные зроаки в твоей колонне «упустили», «уронили» какое-то страшное заклинание, и там произошло что-то ужасное. По всей видимости, они стали уничтожать друг друга…

– У-у-у? – замычал я удивлённо.

– А ты хоть что-то помнишь?

Если прикинуть, что сейчас я не брежу, то вот так сразу признаваться в том, что я помню и какое принимал в этом участие, – явно не стоило. По многим причинам: первая – я продолжал тайланцев ненавидеть. Вторая – я им не верил. Третья – я не верил этой странной харе. Ну и так далее, список большой.

Меня они вроде как принимали за своего и даже пытались лечить (если так назвать устроенные надо мной издевательства!), но до сих пор мне была рассказана только часть того, что собирались рассказать. Поэтому не лучше ли лежать и просто поддакивать? Или спрашивать, но нечто второстепенное, не столь важное?

Вот и мыкнул нечто отрицательное на последний вопрос. На что мой палач, пытающийся перекрасить себя в целителя, с довольной улыбкой заявил:

– Это и следовало ожидать по твоему внешнему виду. У тебя на голове целых четыре шва! (Мамочка родная, это меня бронёй на лошадином крупе так приложило!) Их наверняка зашили ещё в тоннеле тамошние лекари (ага, некий тоннель сквозь горы всё-таки есть!). Но через дыры часть мозга у тебя вытекла небось! (Вдруг и в самом деле вытекла частичка самых ценных воспоминаний?!) Да и вообще все думали, что ты не жилец.

«Ничего, ничего, вы меня только развяжите! Я вам покажу, кто тут жилец, а кто нет!» – но связанные конечности настолько затекли, что я их совершенно не чувствовал. Даже обидно стало, что меня тут за дурака держат и лапшу на уши вешают:

– Зачем м-меня св-в-вязали?

Харя искренне удивилась:

– Да ты в желейном коконе побывал, и на тебе живого места нет! Кто бы тебя связывал? Да и нас вообще никого даже в оковы не заковали. Всё-таки егеря видели, что мы хвост колонны зроаков уничтожили и не дали остаткам врагов разбежаться по долинам.

Но, видя, что я смотрю на него зло, больше ничего доказывать не стал, а просто одну за другой поднял мои руки и поднёс их к самым моим глазам. А я присматривался к красным, опухшим ладоням и никак не мог поверить, что они мои. Я их совершенно не чувствовал! Даже в какой-то момент испугался, представив, что их у меня отрубили и теперь таким вот способом издеваются.

Потом сильно-сильно напрягся и попробовал пошевелить большим пальцем правой руки. Он шевельнулся! А я чуть не заплакал от ужаса. Что они со мной сделали?! И кто посмел?!

Только и сообразил, что краснота и бесчувственность могут быть связаны только с двумя факторами: упоминаемым желейным коконом и переломом моего позвоночника. Причём переломом многократным и неизлечимым. Поэтому опять заикнулся:

– Жел-л-лейный к-к-к…

– Кокон! – с раздражением закончил за меня тайланец. – Потом про него расскажу, если успею. Ибо скоро ты отключишься. Нам, братишка, надо с тобой срочно определиться. Потому что у нас тут у всех неприятности, как раз с тобой косвенно связанные. И ты бы очень мог помочь, если бы что-то слышал или что-нибудь видел.

Хотелось мне ему крикнуть: «Тамбовский волк тебе братишка!», но как вспомнил, что заикаюсь, и как представил эту фразу, начинающуюся на три буквы «т», так сразу рот и прикрыл. Только угукнул соглашательски, мол, чем смогу, тем помогу. Ну а тайланец, оказавшийся в самом деле целителем и носителем Двух Щитов, принялся излагать проблему.

То, что меня нашли в общей куче со зроаками, тонущего в крови и пытающегося судорожно вздохнуть, егерей не удивило. Мало ли как на дороге велось сражение и кто, куда, за кем гонялся. Признали тайланцем, оказали первую помощь, выровняв грудную клетку, качнули внутрь воздуха, да и сдали на руки

моим как бы землякам. Ненависти к лысым предателям эйтраны никакой не испытывали, а уж приказы своей святой императрицы выполняли беспрекословно.

«Лысые» меня признали своим и тоже подлечили в меру сил и возможностей. Дальше, уже в тоннеле, мне солидно голову заштопали тамошние санитары. Ну и уже на этой стороне, удивляясь, как это я до тех пор не помер, отнесли в полевой госпиталь. Да и забыли на какое-то время.

А вот там вокруг меня наслоились странности, трагедии и случайности. Началось всё с целителя. Один полевой хирург оказался из окруженцев, которые одним или другим способом вливались в состав армии империи Герчери. Родом мужик был из Ледового царства. А там все, как последовало объяснение, мозгами двинутые на шаманстве и разных рисковых хирургических вмешательствах во внутренности человека. Вот у того ледовчанина и оказалась некая брошюрка с рисунками и инструкциями на тему «Как вырезать из носителя Первый Щит, а потом приживить его на другом человеке».

Абсурд полный! Книжонку наверняка какой-то псих написал, потому что подобное испокон веков считается невозможным. В противном случае многие бы только и делали, что на носителей Первого Щита охотились, как на дикого зверя. Ну, хирург решил, что у него всё получится, а умершего тайланца никто не хватится. Вот и приступил к подготовке эпохальной операции. Погрузил пациента в желейный кокон, который отключает у человека всю нервную и иннервационную системы. Метода знакомая целителям, они в таком коконе проводят самые сложные хирургические операции. Но если чуток человека «передержать» в желе, он навсегда останется дергающимся дебилом, даже не умеющим говорить.

Ледовчанин уже и инструменты разложил, и живот мой местным антисептиком промыл, и книжечку у себя на видном месте с инструкциями приспособил… Но тут-то и вмешался кто-то. Самого хирурга попросту рубанул мечом по шее, а его ассистентку убил стилетом прямо в сердце. И скрылся с места преступления.

Затем повезло мне лично, что в палату зашёл кто-то из посторонних и поднял тревогу. Проведённое следствие выдало заключение о преступных намерениях целителя и его пособницы, так как следов было слишком много и явных. Пациента-то спасли, хоть и с некоторым опозданием вытащили его из желейного кокона. Приводить его в чувство придётся долго, да и впоследствии он (то есть

я!) не сможет обходиться без вдыхания дыма и взбадривания себя особой микстурой на самогоне.

Но главный вопрос – кто убил хирурга и ассистентку – остался открытым. И понятное дело, среди основных подозреваемых оказались именно тайланцы. Кроме них, некому было заступиться за своего земляка. Да ещё и поступить так жестоко со штатным персоналом полевого госпиталя. Поэтому всех «лысых» определили под весьма строгий домашний арест, а следствие продолжалось. Да и все остальные работники госпиталя обозлились на пленников, требуя немедленной их казни, без всякой поблажки и исключения.

Вот по этой причине Двухщитный «братишка» и переживал. Вследствие чего и мучился со мной, приводя в сознание такими изуверскими способами. Поэтому спросил в финале своих объяснений:

– Мы сами подозреваем, что это сделал кто-то из наших. Но кто? Сам он не признаётся. Хотя все решили, что лучше найти виновного и уже пытаться спасти его (всё-таки он был вправе мстить за своего земляка), чем всем пребывать под арестом, в роли обвиняемых. Поэтому и прошу тебя: напрягись, вспомни хоть что-нибудь. Ты ведь слышал их разговоры? Или видел, как они тебя готовили к операции?

И опять я задумался над выбором. Можно было рассказать всё как было и «умыть руки». Можно было прикинуться вообще ничего не слышавшим и не видевшим. Тем более что глаза у меня тогда в самом деле не раскрывались. Но можно было подумать и попытаться самому сообразить, что же такого странного произошло в операционной? Тем более что я себя и тайны своих внутренностей знал лучше всех остальных целителей всего мира.

Вот я и стал размышлять:

«Во мне Первый Щит и груан. Вуаль Светозарного если и осталась, то лишь в инертной, остаточной форме. Потому как пояса с груанами больше нет. Жаль, не успел поэкспериментировать с вживлением их под кожу. Тем не менее и два симбионта, живущие во мне, могут творить чудеса. Только вспомнить те, что уже совершались вокруг меня и с моим телом без всякой на то моей воли, – сразу можно признать себя полубогом. И следует понимать, что симбионты тоже понимают: с моей смертью погибнут и они. Однозначно! А чем можно помочь мне

в выживании, коль я лежу на операционном столе и не могу при этом двинуть даже пальцем? Правильно! Только гипнозом! Ведь сколько раз уже я его применял, совершенно не понимая, как я это делаю. И чем чаще экстремальная ситуация вокруг меня, тем действенней этот гипноз срабатывал. Придерживаясь за красную нить данных рассуждений, нетрудно догадаться, что Первый Щит и груан в критический момент объединили свои усилия и заставили совершенно постороннего человека меня спасти. Те, кто находился далеко, – отпадают. Хирург, носитель Щита, – тоже. Вряд ли он поддался бы на внушение, да и не смог бы нанести сам себе удар по шее. А вот его ассистентка… Хм! В яблочко!..»

Придя к таким выводам, я сделал заявление. Причём оно утомило и меня, и моего дознавателя чуть не до смерти по причине кошмарного заикания. Но вкратце оно прозвучало так:

– Уф! Значит, мне моё первое воскрешение не привиделось. А то я думал, что меня посетил кошмар: кто-то собрался мне вырезать Первый Щит, напирая на то, что меня никто не хватится. И они спорили. Мне удалось хорошо расслышать: женщина была категорически против подобной операции. Они очень сильно ругались. Потом она завизжала, и мужчина больше не отзывался ни словом. Ну а затем и женщина запричитала: «Что же я наделала?! Как я посмела поднять руку на целителя?!. Не смогу жить после такого…» Ну и… скорей всего…

Харя опять наклонилась ко мне с радостной улыбкой:

– А ведь ты не врёшь! – Конечно, и Двухщитные умели отличать правду ото лжи. Не все, но каждый десятый. – И теперь нас никто не сможет обвинить! Молодец! И не дрейфь, я тебя живо на ноги поставлю! У меня микстуры и коры священного дерева для дыма хватает… Отдыхай…

Моего желания никто не спросил, хоть я и был против «отдыха», но в сон погрузился моментально.

Глава третья

Гнев императрицы

Мария всё-таки свалилась на три часа в сон, кое-как убаюканная и успокоенная тётей Апашей. И хоть она ей никакой родственницей не являлась, наедине она, да и Вера с Катей обращались к ней только так. Это и самим нравилось, и суровую воительницу моментально превращало не только в тётю, но и в бабушку и в маму в одном лице. У всех четверых родни в этом мире не было, а хотелось иметь невероятно. Вот благодаря такому короткому, но душевному слову-обращению и сглаживались некоторые психологические трудности.

Да и многое, очень многое объединяло между собой суровую воительницу и трёх крайне молодых женщин с Земли. Что уже само по себе связывало их крепче любых семейных уз. Самая главная тайна – это знание о существующих порталах между мирами. Причём знание подкреплялось ещё и умениями девушек находить особенные значки возле порталов, а потом и правильно пользоваться переходами. Именно таким образом они и попали в своё время в мир эйтранов, содрогающийся от глобальной геологической катастрофы. И уже там, благодаря острому уму Апаши, её решительным действиям, а потом и невероятной самоотверженности трио Ивлаевых, четырём женщинам удалось совершить эпохальное геройство: они спасли всех людей, которые собрались на плато вокруг статуи богини Герчери.

Спасли. Провели в мир Трёх Щитов. И возглавили в войне со зроаками. Бросили на создание собственного государства. Мобилизовали на сотворение своей, ни от кого не зависящей империи. Нереальное деяние, которое всё-таки постепенно воплощалось в реальность. Зроаки со всех сторон, контакта с иными человеческими государствами нет, поддержки никакой, военной помощи – тем более. Дипломатическую миссию в Большой мир, а потом и в империю Моррейди удалось отправить только кружным путём, через безжизненное царство мёртвых ешкунов, через Шартику. И люди! Катастрофически не хватало людей! Потому что некому было возделывать будущий урожай, заложить основы животноводства, посадить первые сады или хотя бы толком обиходить уже имеющиеся.

Ждали возвращения принцессы Катерины Ивлаевой, отправившейся в Моррейди.

Ждали, как отреагирует мировое сообщество на рождение новой империи.

Ждали желанные толпы переселенцев.

А пока приходилось воевать в полной изоляции. Решать возникающие проблемы. Надрываться, почти постоянно действуя на износе не только физических, но и психологических сил.

Ну и заботиться друг о друге. Катерина убыла с дипмиссией. Принцесса Вера укрепляла фортификацию временной столицы, которую отбили у людоедов, и занималась испытанием нового оружия. Ну а командарм старалась не отходить от Марии.

Поэтому все три часа, пока та спала, Апаша Грозовая ходила лично вокруг дома ставки и одним только своим видом отпугивала любого, кто приближался туда по неосторожности. Императрица спала, и все без исключения старались сделать всё возможное, чтобы этот сон не нарушить.

Мария и в самом деле проснулась бодрая, полная сил и энергии, готовая к новым свершениям. Умылась, резво вышла в светлицу и привычно крикнула, вызывая секретаря. В ответ – полная тишина и никого! Понимание того, что о ней заботятся, приятно согрело. Осмысление того, что заботятся чрезмерно, – вызвало раздражение. Поэтому, открыв окно, Мария постаралась не сорваться на ругань:

– Секретарь! Ординарец! Ко мне! – И уже к прохаживающейся Апаше: – Командарм, тебя тоже прошу зайти! – Когда секретарь ворвался в светлицу, вначале отчитала его: – Полчаса тебя уже дозваться не могу! Давай немедленный доклад по всей линии фронта! – Затем строго уставилась на ординарца, миловидную девушку всего лишь полутора метров роста: – Почему не разбудила меня час назад?

– Госпожа главнокомандующий отправила готовить завтрак твоему императорскому величеству!

– Ладно, тогда подавай, – сжалилась Мария, почувствовав голод. Глянув исподлобья и на вошедшую тётю, со вздохом добавила: – На двоих.

Затем вспомнила ещё о ком-то, вопросительно глянула на Апашу, но та махнула рукой ординарцу:

– На двоих. Но пусть на кухне не жадничают! А то порции порой… И о себе не забудь! – После чего скривилась на секретаря, уже стоящего с раскрытой папкой готового доклада. – И ты иди завтракай, я тут сама всё расскажу.

Мария потянулась к стакану с остывшим чаем со словами:

– И куда Юлиана отправила?

– Сок! – строго прикрикнула на неё командарм, меняя стаканы под рукой у девушки. – Он аппетит повышает!

Обе женщины уставились друг на друга, вкладывая в свои взгляды уйму вселенских страстей и эмоций. Несмотря на родственные отношения и любовь с уважением, никто не хотел уступать. И хоть ничего не горело, ощутимо запахло дымом.

Ситуацию разрядила ординарец, вошедшая без предварительного стука. Тащила она поднос, настолько огромный, что сложно было понять, как она управляется с ним при таком маленьком росте. Поставила поднос на стол и тут же умчалась за вторым, не обратив внимания на угрюмо молчащих женщин. Но напряжение всё равно спало, и уже, попивая сок, императрица озабоченно пробормотала:

– И вот где для этой малявки крысу-пилап поймать?

Именно на этих диких грызунах и взрастали знаменитые симбионты, впоследствии превращавшиеся на человеке в Первый Щит. Но поймать, убить на охоте этого грызуна всегда считалось сложным делом. А теперь, когда война распугала всю живность, – и подавно. Тогда как Мария, сделавшая ущербную ростом девушку своим ординарцем, тем самым словно удочерила несчастную, старше неё на три года сиротку. Вознамерилась исправить жизненную несправедливость и «подрастить» ординарца со временем, сделав её носителем Щита.

– Нашла о чём беспокоиться, – ворчала Апаша, стараясь незаметно развернуть поднос тарелкой с прожаренным беконом под самый нос императрицы. – Малая и так быстрей всех бегать умудряется и совсем своим ростом перестала комплексовать. Умудряется на громадных мужиков смотреть так, словно она их выше ростом. Тем более что к ней за последние дни сразу два парня стали

клинья подбивать.

– Да-а? – Мария удивилась не только этой новости. Но и тому, что её левая рука уже держала вилку с нанизанными на неё подрумяненными кусочками мяса.

– Да ты ешь, ешь! Не отвлекайся на разговор-то! – понукала тётя, сама тут же стараясь и дальше заговорить зубы: – Юлия пришлось отправить с частью резерва на восток, там зроаки вдруг затеяли строительство огромного полевого лагеря. Есть у разведчиков подозрения, что туда дня через два прибудет главный людоед Гадуни. Вот Некруту и придётся высматривать окрестности и думать, как и куда нанести самый болезненный для зроаков удар. Со всех остальных мест пока без особых новостей. Разве что порадовало сообщение о трёх караванах продовольствия, которые тайланцы отправили нам из своего княжества. А там много всего…

И она красочно принялась оглашать перечень ожидаемых вкусностей. Мария недоумённо подвигала бровями, не понимая, зачем такие подробности. Сама не далее как вчера пробегала список глазами и прекрасно помнила, чего там и сколько.

Тогда как Грозовая всё не умолкала, про себя, внутренне ликуя, что нехитрая её задумка удалась: бледная императрица отвлеклась и ест при этом чисто автоматически. Инстинкт выживания взял управление телом на себя и лихо работал руками, ртом и глоткой. Не сбило его с этого настроя и появление ординарца со вторым подносом.

Но всё хорошее тоже кончается. Опять явился секретарь, одним своим видом показывая командарму, что в случае промедления с доставкой нового сообщения ему самому не поздоровится.

– Иди отсюда! – всё равно попыталась его выгнать Апаша. – Дай поесть спокойно хоть раз в жизни!

Но Мария уже отложила вилку, догадавшись, что сообщение важное:

– Что случилось?

– Ситуация уже под контролем, но твоё императорское величество требовало малейшую информацию по этим вопросам предоставлять в приоритетном порядке.

– Конкретней!

– Временный лагерь у тоннеля с нашей стороны охватило волнение. Связано оно было с твоим приказом тотальной безопасности для пленных тайланцев. А так как лагерь и госпиталь обслуживали беженцы и выходцы из других государств, то их ненависть к лысым рыцарям искоренить за короткое время не получилось. Вот и случился неприятный инцидент: один хирург попытался вырезать из внутренностей тяжело раненного тайланца Первый Щит. Понадеялся, что предателя никто не хватится. Но ему кто-то помешал, зарубил самого хирурга и убил его ассистентку. Но именно это двойное убийство взбаламутило весь лагерь. Обвинили всех тайланцев, и чуть дело не дошло до самосуда. Положение спасло своевременное прибытие твоего первого секретаря с нашими лучшими целителями. Да и поднявшиеся по тревоге егеря живо навели порядок. Наиболее буйных зачинщиков отправили в карцер, остальных развели по казармам. Тайланцев, во избежание, посадили под домашний арест…

Последние слова он договаривал, пытаясь отскочить в сторону с пути устремившейся к двери императрицы. А та уже кричала:

– Седлать коней! Едем в расположение полка егерей! Апаша, остаёшься здесь!

– Делать мне тут нечего! – заявила командарм, несущаяся следом. – Поеду с тобой! – И уже возле коней попыталась отгородить Марию от всех своим мощным телом и умоляюще зашептать:

– Девочка, милая! Ты только не горячись! Спокойно во всем разберись, не спеши!

– Не бойся, тётя! – проскользнула Ивлаева мимо воительницы. – Разберусь! Никого не обижу!

Добрались до места событий бешеным галопом меньше чем за час. И Мария сама не понимала, с чем связана такая спешка и почему она так вдруг сорвалась с катушек. Благодаря этому часу она успокоилась, взяла себя в руки, но всё равно странное чувство неудовлетворённости не покидало её. Всё казалось, что она

куда-то не успевает или упустила нечто очень важное. Ну и в самом лагере трудно было определиться: с чего начать и как наказывать виновных. Потому что наказать следовало, причём показательно, для всей армии империи Герчери. Чтобы другим неповадно было.

Но начала всё-таки со встречи с полковником и с его Трёхщитными. Выслушала все детали сражения, все пояснения и выводы. Поздравила командира полка и всех офицеров с великой победой, намекнула на высшие награды и огромные премии для каждого выжившего. Распорядилась о компенсациях семьям погибших.

Потом опросила раненых, точнее говоря, выздоравливающих. И только потом, в сопровождении парочки военных следователей и пятерых Трёхщитных целителей, прошла на место преступления. Ничего вроде особенного. Палата как палата. Жутко неустроенная, как и всё во временном лагере. Выслушала мнения экспертов. Посмотрела инсценировку двойного убийства. Поспорила о появившемся недавно предположении, что хирурга убила ассистентка, потом умертвила себя. Справилась о состоянии здоровья чуть не зарезанного тайланца. Даже заглянула в тот барак, где все «лысые» оказались собранными в одну кучу. Так как пострадавший находился в лечебном сне, на него взглянуть не удалось. Какой-то Двухщитный заверил, что лично следит за выздоровлением земляка и беспокоить того в данный момент нельзя.

Мария напоследок приказала выстроить на плацу личный состав госпиталя, вольнонаёмных из других царств и воинов, набранных из окруженцев и спасённых от съедения людоедами. Всех остальных, в лояльности которых сомнения ни капельки не возникало, попросила находиться в отдалении и ни во что не вмешиваться. Возле императрицы осталась стоять скалой только Апаша Грозовая.

Начинала речь спокойным, вроде как равнодушным тоном:

– До сведения каждого в обязательном порядке доводилось: тайланцы – такие же люди, как и мы с вами. В армии людоедов они находились по принуждению, ни в коем случае не по своей воле. И причина была только одна: угроза уничтожения их семей. Никогда за всю историю княжество не имело возможности прорваться через империю зроаков и выйти на Большую землю. Хотя, как мы уже знаем, подобные попытки предпринимались. Была предварительная договорённость с властями Заозёрья, что всех жителей

княжества одновременно постараются эвакуировать на громадных кораблях по морю. Увы, политические распри с другими государствами помешали заозёрцам совершить это богоугодное для всего человечества дело. Но нашей империи в этом плане повезло! – Мария Ивлаева-Герчери резко повысила голос. – Нам удалось оторвать княжество Тайланов от диктата зроаков, нам удалось встать с тайланцами в едином строю перед лицом самого страшного и самого злостного врага. Против того врага, который ест детей! Который поедает человеческую плоть! И отныне, до скончания веков, тайланцы ничем от нас не отличаются! А те, кто затаил до сих пор злобу против них в своём сердце, будут жестоко наказаны. Вплоть до смертной казни!

Голос её достиг крещендо и оборвался. Зато по рядам собравшихся или стоящих строем людей стал проходиться тяжёлый, угнетающий взгляд:

– Если есть среди вас несогласные со мной, если есть такие, кто желает смерти тайланцам, пусть немедленно, сейчас выйдет из строя. Клянусь, он не будет уничтожен, хотя, несомненно, изгнан из нашей империи. Мы для них откроем дорогу через пространства Шартики, проводим до Леснавского царства и там отпустим на все четыре стороны. Ну? Смелей выходите, вы знаете, данное мною слово ни разу не нарушалось.

Люди стояли разные, в том числе и весьма обозлённые на вид, сердитые, готовые на всё. Всё-таки ненависть искоренить из своих сердец, которая там зародилась и окрепла с самого рождения, не так просто. И не смолкли ещё последние слова императрицы, как некоторые из них стали выходить и группироваться чуть в стороне. Вышло более десяти мужчин и несколько женщин. Ещё одну женщину какой-то мужчина волок за собой силком. Она упиралась и пыталась кричать, но он ей вообще закрыл рот и сжал так, что бедняга потеряла сознание.

– Как ты смеешь насильно уводить за собой другого человека? – вроде оставаясь внешне спокойной, спросила Мария.

– Она – моя! – нагло заявил воин, прикрываясь телом находящейся без сознания пленницы. – И оставлять её кому-то я не собираюсь!

– Вы все знаете законы нашей империи. Вы все знаете, за какие предстоит смертная казнь, – опять усиливая голос, начала говорить императрица. – И

знаете, чем грозит попытка одного человека сделать другого своим рабом! Уничтожением на месте преступления! – резко вскинула руку в сторону виновного и выкрикнула: – Смерть!

В следующее мгновение невдалеке что-то щёлкнуло, а в голову казнимого мужчины ударил арбалетный болт. Большой болт, тяжёлый. Глазницу вырвало вместе с куском лобовой кости. Получилось жутко, трагично, излишне кроваво, но в то же время эффектно.

Все окаменели, поражённые свершившимся наказанием, и только двое целителей подхватили женщину и унесли к госпиталю. Да еле слышно, не разжимая губ, командарм пробормотала императрице:

– Твоя затея с арбалетами у телохранителей хороша, но зря ты наше тайное оружие используешь для казни. Его ещё так мало…

Мария вначале отдала распоряжения по поводу группы, которую следовало отправить к Шартике. Потом огласила, что домашний арест с тайланцев снимается. И лишь двинувшись к главному штабному зданию лагеря, еле слышно ответила Апаше:

– Ничего. До решающих сражений со зроаками успеем наделать сколько надо. А казнь… Пусть ребята и в таких условиях тренируются.

Говорила уверенно. Старалась, чтобы губы не дрожали. Шла ровно.

Но внутри у неё всё тряслось, ноги немели, и она спешила как можно быстрей где-нибудь уединиться. Крутость свою показала, строгость – вообще сверх всякой меры. А вот в душе готова была каяться, заливаться слезами, обвиняя себя в жестоком убийстве человека. Понимала, что иначе было нельзя, понимала, что для империи именно такое изуверство окажется оправданным в данное время, а вот оправдать себя лично – всё равно не могла.

И наверное, по этой причине чувство, что она сделала что-то не так, буквально утроилось. Причём чувство именно неправильного личного действия угнетало. Никто из посторонних не смог бы подсказать, направить и уж тем более избавить от него.

Глава четвёртая

В чужой шкуре

В первый раз я очнулся во время каких-то галлюцинаций. Именно не после сна с кошмаром, а во время звуковых галлюцинаций. Кричала не кто иная, как Машка. Грозно кричала, со злостью. А то и в бешенстве. Глаза я открыл, а возле меня – никого. Попытался повернуть голову – что-то опасно скрипнуло в шейных позвонках, и я благоразумно отказался от таких попыток.

Тогда как галлюцинации никуда не исчезли. Машка всё так же продолжала кого-то ругать, пилить и воспитывать. Вся беда оказалась в том, что я не мог разобрать слов. В лучшем случае одно из двух десятков, и они анализировать всю речь никак не позволяли. Да и что поймёшь по таким словам: по морю, детей, сердце?

Если я на Суграптской долине, моря тут и близко нет. Дети и сердце? Тем более с морем не вяжутся. Так что сомнений не осталось, что лечиться мне придётся долго и сложно.

Но позвать хоть кого-то я попытался. Несложно так, простой фразой: «Эй! Кто-нибудь!» Потому что подозревал, заикание у меня не прошло. Ошибался! Всё было ещё хуже! Даже восклицание «Эй!» я вульгарно мычал. Вот тут я уже запаниковал окончательно. Не знаю, что это за премерзкий желейный кокон или это так меня падающая на голову лошадь поломала, но моё нынешнее состояние могло оказаться на отметке «хуже только в гроб кладут». А раз так, то чем занимаются живущие во мне симбионты? Почему не лечат? Почему на мне паразитируют, пьют мою кровь и вытягивают жизненные соки (последние!), а взамен никакой отдачи?!

Сам на них ругался, и сам находил им оправдания:

«Лечат они меня, куда без этого. Иначе давно бы помер. Просто вначале пытаются повреждённые нервные ткани восстановить, кости нарастить, мышцы порванные склеить – а это всё за три дня не делается. Так что терпение,

братишка, только терпение!.. Тьфу ты! Что за гадкое обращение прилипло от этой хари?!»

Помяни чёрта – а он сразу на порог! Вроде только моргнул, а харя вот она, опять меня беззубым ртом пугает:

– О! Очнулся, братишка? Да ты силён! Я думал, ты на пару часов больше в нирване сна проваляешься. Сейчас, сейчас я дымок разведу, продолжу твоё лечение.

Я задёргался как мог, замычал изо всех сил, пытаясь всё-таки выяснить по поводу моих галлюцинаций. И, как мог, выкрикнул слово-вопрос: «Крики?»

– А-а! Это наши ребята спорят, – оживился мой Двухщитный лекарь. – Решают, как себя вести дальше и стоит ли свободно разгуливать по лагерю. Хоть следствие продолжается, твою версию приняли к сведению и нас из-под домашнего ареста выпустили. То есть уравняли во всех правах с иными подданными империи Герчери. Нас теперь ни один человек не имеет права назвать предателем или унизить иным плохим словом. – Так как я в тот момент хотел плюнуть ему в глаза, а то и прибить, он мои дёрганья принял за возмущение против тех самых людей, желающих того же, что и я: – Конечно, неприятно. Но что поделаешь… Пока они привыкнут к нам и поверят… Поэтому и спорят ребята… Ладно, я сейчас…

Вскоре он вновь появился и начал своё кошмарное лечение применять на мне. Опять стал пристращать к курению и алкоголизму. Но сегодня шло не в пример легче, и я с ужасом стал осознавать, что микстура мне чем-то нравится, а дымок вполне качественно улучшает мою речь. Пусть и с заиканием, пусть и время от времени, но я попытался вставлять некие вопросы о своём здоровье, а потом и спорить о способах ведущегося лечения. Потому что именно эти опросы меня интересовали сейчас больше всего. Какая-то империя, пригревшая на груди у себя «лысых» предателей, меня совершенно не интересовала. Хотя я уже и подспудно догадывался, что мои три подруги как раз здесь и ошиваются. Не удивлюсь, если и дальше продолжают размахивать шпажками и мстить зроакам за меня, болезного.

Но не буду же я интересоваться девчонками у израненного и бесправного пленника! Откуда он может знать или слышать такие имена, как Мария, Вера и

Катерина? Об этом надо спрашивать у местных военачальников. А до того встать на ноги и научиться говорить без заикания.

Вот я и пил противный самогон. Потом курил, уже самостоятельно втягивая дым из трубки. Затем снова пил. Этот период растянулся более чем на трое суток. С каждым днём мне и порцию еды увеличивали, хотя и продолжали кормить с ложки, руки меня не слушались совершенно.

Ну и я, восстановив частично речь, поэтапно выяснял степень повреждения своего тела. Во время одного из первых диалогов мы с «братишкой» познакомились. Я представился как Платон (кстати, довольно распространённое имя в мире Трёх Щитов). По поводу рода тоже не заморачивался, вспомнив вдруг своего приятеля на Дне, Хруста Багнеяра. Потому и назвался Платоном Когуярским. Ну, вот люблю я менять имена, люблю! Хобби у меня такое. Хотя и от истинного своего имени Бориса Павловича Ивлаева никогда не откажусь, но пусть хоть временно побуду Платоном. Мне этот древнегреческий философ всегда импонировал широтой взглядов и попытками объять необъятное.

Мой новый знакомый представился как Шеян из рода Бродских. Ещё и пояснил, что основатели их рода жили на реке, где и основали большое поселение на сложном, изменчивом речном броде. Оттого и пошло название их фамилии.

А про мои травмы, болячки и телесные проблемы он объяснял весьма умело и подробно. Придраться было не к чему, профи! И я ему уже за это был благодарен. Потому что уйти в астрал и начать самому осматривать свои повреждения у меня в течение тех же трёх суток никак не получалось. При малейших попытках начинала раскалываться голова и темнело в глазах. Так что консилиум в лице одного Шеяна Бродского меня вполне устраивал. А вот оглашённый им список моих травм – никак в голове не укладывался. Потому что здравый рассудок подсказывал: с такими повреждениями не выживают.

Только ноги у меня были поломаны в семи местах. Рёбра в трёх. Повреждённые ключицы, плечевые суставы, шейка бедра и даже декомпрессионные переломы шейных позвонков – должны были привести к смерти. Мгновенной. Ещё там, на поле боя. А я взял – и выжил!

Всё это в сумме заставило Двухщитного признать меня не только коллегой, а Трёхщитным, двоекратно превосходящим его по силам и по накоплению

внутренней энергии:

– У тебя лечится всё и сразу! Пусть медленно, но лечится! – восклицал он с юношеским азартом и энтузиазмом. – При этом я не могу рассмотреть, что у тебя с позвоночником, потому что он напрочь затянут непрозрачной плёнкой. Там наверняка тоже идёт постепенное сращивание переломов. И я страшно рад, что имперские целители не взялись за твоё лечение, а полностью его мне доверили. Наблюдать подобное и участвовать в этом – мечта каждого истинного врача!

– Так уж и к-к-каждого! – прозаикался я. – Иные, вон, чуть не зарезали меня в порыве великого сострадания.

– Ай, забудь! Ущербные везде встречаются! – отмахнулся он, поднося мне очередную порцию своей самогонки и вновь переходя к констатации своих выводов. – Понимаешь, у тебя здорово получается: твой Первый Щит, при содействии Второго и Третьего, весьма правильно поставил весь процесс лечения. Твои Щиты до сих пор не дают тебе возможности двигать конечностями, и правильно делают. Иначе им не хватило бы сил для сращивания связок, срастания костей и восстановления позвоночника.

Только выслушав это утверждение, я окончательно успокоился. Ещё и мысленно попросил у Щита и груана прощения за то, что сгоряча обозвал их паразитами. После этого старался вообще не шевелиться и перестал проверять, двигаются ли у меня пальцы. Да и говорить постарался крайне редко, представив, какие подвижки тканей проходят при этом в моих внутренностях при подобных напряжениях. То есть решил максимально помогать действующим внутри меня симбионтам.

Только слушал.

И в конце третьих суток, когда я чувствовал себя несравненно лучше, дослушался до абсурда. Вернее, дождался совершенно непредсказуемого результата. Шеян часами восседал рядом со мной, пытаясь в сложном процессе медитации всё-таки проникнуть за непрозрачный тёмный полог и просмотреть, как там у меня и что творится. Я ему нисколечко в этом не мешал, самому было очень интересно узнать, получится что-то у целителя тридцати шести лет от роду или нет. Тот старейшина, Ястреб Фрейни, который это пытался сделать когда-то на Ничейных землях, спасовал. Хоть и являлся Трёхщитным. Утверждал,

что стар и силы у него уже не те. А Бродский-то молод! И, несмотря на все свои раны и травмы на теле, всю внутреннюю энергию тратил на меня. Причём не только исследуя, но больше мне, именно мне, помогая излечиваться.

Наверное, по этой причине мои внутренние благодетели признали силу извне союзной, достойной доверия, и в какой-то момент не стали скрывать свои главные тайны. Или расслабились на какой-то момент. Может, всё случайно получилось: у них там типа пересмена происходила, переучёт или перераспределение направленных усилий, вот скрывающая всё завеса и растворилась на какое-то время. А наблюдение-то велось неусыпное!

Но как только тайланец в эти тайны заглянул, он попросту испугался. Вывалился из состояния медитации потный, красный и задыхающийся. Минут пять пялился на меня, только раскрывая рот и ничего не говоря, и я понял, что надо его подбодрить некоторым признанием. Намекнуть, так сказать, о некоем груане, который как бы не от мира сего. Тем более что незаметно для себя я свыкся с его страшной, беззубой харей, и она мне казалась уже вполне нормальной, человеческой. Я стал его уважать как соратника по плену. И даже преклоняться перед ним как перед целителем. А кипевшая когда-то ненависть куда-то попросту давно испарилась. Старею, наверное?..

Стараясь подавлять набившее оскому заикание, спросил по-дружески:

– Ну что, братишка, рассмотрел наконец-то живущее во мне чудо, которое помогает Первому Щиту?

Тот вначале кивнул. Потом замотал головой отрицательно. Затем опять закивал. И лишь после этого заявил:

– Такого просто не может быть!

– Да как тебе сказать, – пустился я в философствования, пытаясь при этом соответствовать выбранному имени. – В мире случается много странностей, в которые и я когда-то не верил. Но это не значит, что их не существует. Или по причине нашего непризнания они исчезнут сами по себе. Нет, они остаются в нас, в наших подспудных ощущениях и в пространстве! Ибо пространство, оно вечно, оно не приемлет разрушения, дарует обитель всему роду, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного

умозаключения, и поверить в него почти невозможно…

Шеян запутался в моих высказываниях так, что замотал головой. Но это не сбило его с основного направления своей мысли. Он оставался в шоке от увиденного и теперь пытался понять, что меня на такое подвигло:

– Э-э-э?.. То есть ты сознательно на такое пошёл? – А я-то думал совсем о другом.

– Скажем так: не жалею о том, что случилось. Такой ответ тебя устраивает?

– Конечно, нет! – продолжал Шеян смотреть на меня, словно на ожившего покойника. – Такого не было в истории мира!

– А то мы знаем, что в той истории было, а чего нет? – вопрошал я его, стараясь казаться этаким всезнайкой всемирного масштаба. – Соедини мнение с ощущением! Охвати всё единым взглядом, пойми суть общей идеи. Неужели ты не способен взглянуть на увиденное под иным углом? Неужели тебя так сильно поразила некая светящаяся субстанция?

– Да ладно бы только субстанция! – вдруг заявил Двухщитный целитель, опять верно вычленивший из моих философских потуг самое главное. – Светится себе, да и на здоровье. Может, ты туда маленький люмен умудрился засунуть. Но вот остальное?! Как?! Такое?! Возможно?!

Вид у него был, мягко говоря, страшный. О таком состоянии говорят: «не в себе». Или «крыша обвалилась». И не знаю почему, но его экзальтация и волнение тоже мне стали передаваться. Я вновь стал безбожно заикаться:

– Так чт-т-то т-там не т-т-так? Что тебе не н-н-нравится?

– Что?! Что мне не нравится? – Его глаза уже стали похожи на два блюдца, и я пожалел, что рядом с нами нет санитаров со смирительной рубашкой. Но когда услышал следующий вопрос, подумать успел, что и для меня самого сейчас рубашка пришлась бы к месту. – Это ты так о трёх Первых Щитах говоришь, которые живут у тебя в желудке?!

И мне стало плохо.

Глава пятая

Я не монстр, монстр – во мне

Мне стало очень плохо. А воспоминания рваными кадрами испорченной кинохроники зарябили перед глазами. Да, в крепости Дефосс охотники из Леснавского царства впихнули в меня сразу три Первых Щита, лишь бы те не достались зроакам. Но потом я оказался на Земле и стал умирать. Меня отвезли в больницу и там сделали промывание, химией и уж не знаю чем вытравив из меня две противные чужеродные субстанции. Потом я стал выздоравливать, много есть и расти…

Стоп! Отматываем фильм обратно, до сцены промывания. Думаем… Включаем логику… О! А откуда у меня такая уверенность, что два лишних Первых Щита из меня вымыли?.. Еловая жизнь! Уверенность-то ни на чём не основана! Только на моих гипотетичных догадках. А их к делу не пришьёшь. Как и мои бурные фантазии.

Потому что фантазия вдруг заработала невероятно. Настолько невероятно, что я выпал из шока в реальность и деловито спросил у пялящегося на меня тайланца:

– Слушай, а бывает такое, чтобы Щит как бы начал делиться? Ну, там, потомство производить? Размножаться делением?

Шеян даже не улыбнулся на услышанное. Только заявил категорически:

– Исключено! – Ещё и головой замотал отрицательно.

Ладно. Будем думать дальше. Или опять отдадимся полёту фантазии? Отдался… О-о! Куда это она меня занесла!.. Представив, как это всё выглядело в реале, я вдруг захлебнулся в диком приступе смеха. И, наверное, умер бы от него, если бы не целитель, вливший в меня очередную порцию своей убойной самогонки. Когда я чуточку отдышался и пришёл в себя, он тоном, каким обычно говорят с душевнобольными, поинтересовался:

– Ты что-то вспомнил? Или понял, в чём проблема?

– Не вспомнил, представил, – пробормотал я, не решаясь озвучить свою несуразную фантазию. Но сколько я на неё со всех сторон ни смотрел, она никак исчезать не хотела. И я решился. – Ладно, Шеян, я тебе сейчас что-то расскажу, но только с одним условием: ты клянёшься, что никому и никогда ничего не расскажешь о нашем разговоре без моего разрешения. Идёт?

– Клянусь! – тут же подтвердил Бродский и приготовился внимательно слушать.

– Тут вон какое интересное дело получается, – стал я слова подбирать. – Та светящаяся субстанция называется груан. Он тоже симбионт и тоже помогает человеку в выживании. Можно сказать, что он прижился во мне чисто случайно, и это меня практически убило в тот момент. До сих пор не пойму, как я выжил и как светящаяся устрица не взорвалась. Потому что во всех иных случаях подобного убийства или казни груан разрывал человека в течение получаса.

– Понятно. Ты выжил. Груан-устрица в тебе прижился.

– Да, так получается… И я рад, что ты пока не спрашиваешь, где такие чудеса существуют. Да и неважно это сейчас. Но меня кое-что напрягает… Я не знаю, какого рода груан. То есть не представляю, есть ли среди них женские особи и есть ли мужские. То же самое я не знаю и о Первом Щите. Он кто? Есть ли у него половые различия?

Шеян смотрел на меня уже совсем по-иному. И хохотать не спешил. Усиленно думал и вспоминал всё, что знал по теме вопроса. Потом подтвердил, что моя фантазия до него дошла и даже представляется вполне возможной реальностью:

– То есть ты считаешь, что симбионты попались разнополые и стали у тебя внутри размножаться?

Страшным усилием воли я сдержал рвущийся из меня смех и еле из себя выдавил:

– Что-то типа того…

Дальше пошли такие рассуждения, которые с каждым словом меня всё больше и больше успокаивали:

– Ты сам утверждаешь, что мир полон великих тайн, о которых мы не имеем никакого представления. Но давай посмотрим на временные сроки и на сам способ возрастания Первого Щита. Потому что судить о твоём груане не могу, я о нём совершенно ничего не знаю. Итак…

Хорошо всё разложил по полочкам, здраво. Многие сведения я слышал впервые. Но старался иногда говорить «угу», словно соглашался с делающим доклад коллегой.

Маленькая крыса, размером с мышку, становящаяся в будущем носителем, не рождалась с симбионтом. Он появлялся в толще её кожи лишь к двухлетнему возрасту. И только в результате свободного перемещения крысы по большим пространствам и подземельям. При этом она ела грибы, определённую травку, плесень в подземельях и невесть что иное, о чём исследователи даже не догадывались. Вот после принятия совокупности всего вышеперечисленного на ней и зарождался Первый Щит. Может, ещё было нечто, тайное и неподвластное учёным, тот же укол какого-то лишайника или укус некоего овода, но дальше предположений дело не шло.

Как и отрицался сам факт деления Щита во время спаривания крыс. Те вообще вели до трёх лет одинокий образ жизни, не плодя потомство и не организуя разнополые пары.

Ну и после появления на крысе Щит взрастал вместе с самой крысой ещё года три. Только после этого она вырастала довольно большой, становясь той самой внушительной крысой-пилап, легко заметной людям, и на неё можно было охотиться. Жила она в общей сложности двенадцать-тринадцать лет.

И я сразу прикинул, что за четыре месяца симбионты сами по себе не могли расплодиться. А за два последних месяца, с момента появления груана, тем более не успевали склепать межвидовое скрещивание.

Ещё и Бродский меня поддержал в этой мысли косвенным утверждением:

– Оно, конечно, всякие дети случаются, но если бы разные симбионты стали размножаться в смешанной паре, то почему больше у тебя в желудке нет груанов?

– Логично. Значит, мои фантазии отбрасываем в сторону как несуразные. И у меня остаётся только один вариант событий.

После чего я, не слишком акцентируясь на местах событий, пересказал историю с охотниками, затем описал моё жуткое состояние и попытки врачей спасти меня с помощью интенсивного промывания желудка.

Коллега выслушал внимательно, опять долго думал и пришёл к очередным выводам:

– Пусть моё предположение абсурдно, но ничего другого придумать я не в силах. А звучит оно так: все три Щита у тебя в желудке, конечно же, не собирались терпеть конкурентов. Они и в природе стараются не сводить своих крыс-пилапов друг с дружкой. И наверняка собрались тебя умертвить. Потому ты и свалился с ног от навалившихся на тебя болей. Но тут ты оказался на столе у врачей, которые решили вымыть из тебя причины отравления любой ценой. И чего уж там скрывать, мы порой действуем в таких случаях очёнь жестко. Лишь бы спасти человека. Лишь бы удалить из него яд. Часто, когда уже нет надежды, применяем нечто новое, экстренное, находящееся в стадии проб и разработок. Порой и откровенные яды используем. Иногда, о чудо, это помогает. Вот и тебе помогло невесть что. Когда в тебя стали заливать несовместимую с жизнью гадость, Первым Щитам ничего не оставалось, как объединить свои усилия перед лицом общей, смертельной для них опасности. Вот и получилось у них общее, совместное дело. А дальше процесс пошёл по нарастающей, и они осознали, что лучше действовать сообща, но выжить, чем умирать вместе. Вот, примерно так…

Хоть услышанное казалось диким даже для докладчика, но принять это как рабочую гипотезу стоило. Да и меня она успокаивала хотя бы частично. Очень мне не хотелось думать о возможном размножении внутри меня симбионтов, да ещё и разных видов. Этак они скоро и мой мозг возьмут под полный контроль, и будут выводить тело только попастись, попить, размножиться да поспать. И как только я себе подобное представлял, меня начинало жутко тошнить и я впадал в предобморочное состояние.

Так что ночь после трёх суток самоизлечения прошла у меня в очередных кошмарах и слуховых галлюцинациях. Настройки звука, которым я обучился на Дне, не действовали, поэтому, просыпаясь, я не мог понять, что за рёв толпы стоит вокруг и почему я в этом рёве не могу понять ни слова.

Кошмары чередовались ещё более дикие, а порой и вульгарные. В них мне снились Первые Щиты, сексуально домогающиеся сияющих устриц, какое-то подобие вечеринки между ними, застолье, танцы… И всё это у меня в желудке!

Потом я с воем куда-то бежал, в ужасе наклоняясь и посматривая на свой живот. Вместо него зияла дыра, сквозь которую просматривался позвоночник и нижние рёбра. Мне было больно, и я чувствовал, как оставшиеся внутри симбионты упорно ползут вверх, стараясь прорваться к мозгу, рвут во мне мышцы и кровяные артерии, пытаются остановить сердце. А я всё бегу и бегу на женский, хорошо знакомый голос. Этакий Кощей Бессмертный, мчащийся на зов Василисы Прекрасной.

А под утро так и не вспомнил: добежал или нет? И был ли этот голос похож на голос Машки Ивлаевой?

Глава шестая

Передислокация

Зато вспомнил о моих ночных метаниях Шеян Бродский, нависший надо мной перед завтраком:

– Слушай, братишка! Что с тобой? Ты под утро даже кричать начал. Мы только легли и засыпать начали, как ты всех перебудил. Пришлось в тебя целых пять порций микстуры залить.

Когда он это сказал, я непроизвольно облизнулся и с ужасом понял: я превратился в алкоголика! Уж очень захотелось похмелиться! И вместо того, чтобы расспрашивать о странном рёве в ночи и вариантах присутствия тут разных женщин, я с усилившимся заиканием стал интересоваться более

актуальными вещами:

– Шеян, мне страшно! Потому что мне захотелось твоей мерзостной микстуры. И курить потянуло. Это что, теперь до конца жизни такое со мной будет?

На этот раз уже тайланец рассмеялся и долго не мог успокоиться. Но трубку при этом набить и раскурить успел. Засунув мне чубук в краешек рта, он удовлетворённо хмыкнул при виде меня, попыхивающего и расслабленного, и пустился в очередные рассуждения:

– Смешно слышать от экселенса Многощитного такие глупости. Ты сам-то подумай, что с тобой творится и о чём мы только вчера разговаривали. Неужели ты так до сих пор не понял, что Первые Щиты и груан совместными усилиями создали за рекордно короткое время и Второй Щит, и Третий?.. Не сомневайся, не сомневайся – создали! Другой вопрос, что твоя попытка выдавать себя за шестидесятилетнего в моём случае не прокатит. Я прекрасно понял, что знаний у тебя ноль, и ты до сих пор не имеешь понятия, как Вторым и Третьим Щитом воспользоваться. Благо, что они сами, так сказать, дружным коллективом работают над твоим спасением. Причём работают на пределе своих коллективных сил, отключив почти все твои внешние рецепторы и забросив второстепенные направления в виде восстановления речи или починки твоего слуха. Над этим вопросом только я и работаю, расходуя запасы драгоценной коры и бесценных компонентов для микстуры…

– Я всё оплачу! – заявил я угрюмо, стараясь не выпустить трубку изо рта.

– Нет, меня оплата не устраивает! – последовал вдруг жёсткий ответ. – Требую с тебя ответную клятву: помочь мне в добыче нужных целительских ингредиентов. Согласен?

Вполне справедливо с его стороны, и такой расклад меня устраивал. Хотя некие оговорки я всё-таки сделал:

– Если ты меня не заставишь отправляться в путь прямо сейчас, а потом дашь возможность решить свои проблемы по поиску близких людей, то согласен. Клянусь.

Бродский удовлетворённо кивнул и продолжил прежним тоном, как будто и не прерывался:

– …Вот и получается, что ты совершенно не ценишь, точнее говоря, даже не представляешь того гигантского потенциала, который в тебе присутствует. Да только один Первый Щит в режиме наибольшего воздействия избавляет человека от любой пагубной привычки или нездорового пристрастия в течение нескольких месяцев. А у тебя их вон сколько, целая бригада реаниматоров… Поэтому тебя избавят от алкоголизма, и дня не пройдёт после того, как встанешь на ноги.

– Спасибо, успокоил… Тогда давай своей самогонки! – не удержался я от потакания вредной привычке. – Пока никто не запрещает и не лечит.

Что интересно, руки у меня уже стали понемногу шевелиться, но принесённый завтрак ложкой скормил всё тот же Шеян. Причём в его поведении была заметна значительная разница. До вчерашнего вечера он опекал меня как врождённый целитель, исполняющий свой врачебный долг, да плюс у нас завязались некоторые приятельские, если не дружеские отношения. Тогда как с сегодняшнего утра он смотрел на меня совсем иным взглядом. Дружба и участие не испарились, нет, но вдобавок к ним появился этакий несвоевременный энтузиазм во взгляде, излишнее почитание и неуместное, чрезмерное уважение. С подобным отношением лечащий врач готов перебирать больного по косточкам, разбирать, а потом вновь собирать и склеивать. Где-то я его, как врач врача, понимал: подобного пациента получить под своё наблюдение – это мечта каждого фанатично настроенного целителя. Да и не фанатика – тоже.

Однако пока я ел, подумал над этим и решил не придавать особого значения перекосам. Как только встану на ноги, начну действовать как нормальный человек, и тогда Шеян перестанет смотреть на меня как на ожившую икону.

Да он уже собирался меня использовать в практических целях, взяв обещание помочь ему с восстановлением запаса его зелий и какой-то коры. И, видимо, надеялся, что со своими делами я быстро управлюсь. А чтобы в этом плане как-то поторопить меня, сам спросил в конце завтрака:

– Кого ты искать здесь собрался? Может, я сразу поиск инициирую?

Дельная мысль! Одновременно подоспело соображение: а что может пленный? Вернее, воин, недавно приравненный в правах к остальным? Как я понял, тайланцы до сих пор проживают вместе в одном бараке и продолжают опасаться агрессивных выпадов со стороны выходцев из Большого мира. И вполне возможно, что начало поисков с его стороны будет воспринято с подозрением. Да те же подруги, узнав, кто их разыскивает, постараются отгородиться от такого контакта всеми возможностями.

Поэтому их имена и фамилию лучше пока не называть. Во избежание, так сказать…

А вот своего недавнего спутника, помощника, экскурсовода и чуть ли не свояка (если учесть, что мы с ним согрешили с родными сёстрами) поискать не помешало бы. В сражение старик ни за что бы не полез и, скорей всего, попросту спрятался в какой-то выемке. Мало шансов на спасение в той свалке даже тем, кто спрятался, но всё-таки поспрашивать надо. Хотя тот факт, что барон Белый меня сам до сих пор не нашёл, наталкивал на мысль, что его с нами уже нет. Увы…

Вот с него я и начал:

– Со мной вместе на дороге был один спутник, поморянин из Моррейди, шестидесяти пяти лет, барон Строга?н Белый. Не слышал о таком?

– Имя ничего не говорит, – погладил в задумчивости свою лысину Шеян. – Но слышал, что в госпитале лежит один тяжелораненый мужчина, весьма, так сказать, пожилого возраста. Может, это он?

– Да, наверное! А что с ним?

– Понятия не имею. Но если хочешь, сам схожу и всё выясню. Тут совсем рядышком.

Докормил меня, приспособил трубку с новой порцией тлеющей коры и умчался. Не успел я насладиться запретным с детства курением, как Бродский уже вернулся. И с цинизмом, присущим всем врачам, «бережно» преподнёс мне информацию:

– Не жилец твой барон. Ему почитай полчерепушки вместе со шлемом снесло. Кости черепа раздробились и влезли в мозг. Короче – старикан уже стал овощем. Так бы там, на месте, и добили, когда извлекли из-под груды зроаков, потому что по остаткам шлема решили, что он один из них…

– Мы их шлемами пользовались для маскировки, – успел вставить я.

– …Но потом обратили внимание, что он слишком хлипкий для людоеда, и попытались снять остатки шлема с остатков головы. Удивились сильно, да и сдали целителю. Обыскали его только здесь, в госпитале. Бляху нашли и браслет именные, так что имя, тобой названное, сходится. Ещё картина при нём была свёрнутая, так ею сейчас главный целитель в своём кабинете любуется. Говорят, очень красивая…

– «Пастушка». Работа кисти неизвестного мастера, – последовал мой комментарий.

– Точно! Так, значит, это твоя…?

– Нет. Картина предназначена в подарок императрице Моррейди, Ваташе Дивной. И ты уж, будь добр, сходи немедленно к главному целителю и предупреди об этом. Не хочется, чтобы пожелания славного старика не выполнились после его смерти. Или он всё-таки имеет шансы на выживание?

– Вряд ли… Но по поводу картины не поленюсь ещё раз сбегать. Потому что самому хочется на неё взглянуть. Только… вопрос у меня: а как это ты оказался в паре с этим бароном? И так много про него знаешь?

То есть подноготная вопроса просматривалась хорошо. Меня до сих пор принимали за уроженца княжества Тайланов. И моё пребывание в строю людоедов пока не вызывало особых вопросов. Хотя в данный момент некая догадка так ударила по сознанию Шеяна Бродского, что он непроизвольно отстранился от меня на полметра. А вот появление среди зроаков человека, да ещё из империи Моррейди, да ещё с подарком самой императрице, вообще ни в какие ворота не влезало.

Поэтому следовало дать некое объяснение. Или придумать достойную отговорку. Я остановился на последнем:

– Увы, раскрыть тайну не могу. Ибо принадлежит она не мне.

Только Двухщитный целитель уже забыл о своих вопросах и отмахнулся от моих ответов:

– Да бог с ним, с твоим бароном! Ты мне лучше вот что скажи… – И замер на какое-то время, буравя меня взглядом и формулируя в сознании прущие из него вопросы. Но вначале меня попытался успокоить: – Ты не сомневайся, я никому ничего не расскажу. Ни слова, ни намёка! Так что мне признаваться можешь смело!

– В чём? – попытался я иронизировать. – Что лишних две затяжки сделал? Так нарубаю я тебе твоей коры, только место покажи.

Это не сбило Шеяна с серьёзного, даже торжественного тона:

– Это ты сделал так, что Трёхщитные зроаков «уронили» своё проклятие прямо среди своих?

– М-м? – искренне поразился я. – Нет! Не я! Я с подобными проклятиями, а уж тем более с защитой от них, вообще никогда дела не имел.

– Я сам в этом полный профан, – с жаром принялся объяснять целитель. – Тут надо советоваться с опытным прокляторщиком. Но мне кажется, не надо особо знать все тонкости, а помешать, обладая твоими силами, можно и чисто интуитивно, нечаянно. Понимаешь меня?.. Вот ты – что делал во время начавшегося боя?

– Что делал? – переспросил я вначале, думая, признаваться ли мне в своих реальных действиях. – Честно говоря, пытался как можно больше зроаков уничтожить…

– Ага! То есть проклятие и на тебя рухнуло?

– Да как сказать… Не рухнуло ничего. Я достаточно людоедов ненавижу, чтобы действовать самостоятельно.

– Значит, у тебя всё остальное получилось подспудно! – сделал вывод тайланец. – Ты не пожелал подчиниться проклятию, твоя бригада симбионтов создала некое противодействие, и всё получилось так, как получилось. Согласен?

– Пусть будет так, – постарался я завершить скользкий для меня разговор. Хвастаться не хотелось и не имел права. Да и не поверит никто, что по центру вражеской колонны я один устроил такую бучу. И постарался напомнить: – Сбегай по поводу картины. Только постарайся меня ни во что пока особо не впутывать. А то придут и будут мучить расспросами.

На этот раз мой опекун отсутствовал не в пример дольше. На полдня пропал. Я и вздремнуть успел, и покормлен был обедом, который принесла какая-то странно напряжённая женщина маленького роста. Вначале она мне вообще девчушкой показалась, но когда кормила с ложки трясущимися руками, успел рассмотреть, что это уже взрослая, зрелая женщина, целых двадцати двух – двадцати трёх лет от роду. И тогда я решил немножко разговорить коротышку, принадлежащую, скорей всего, к лилипутам:

– Тебя зовут-то как, красавица?

– Аня… – зарделась вначале девица.

– Ой, какое чудное и красивое имя! Санитаркой в госпитале служишь?

– Нет, помогаю временно! – Она с удовольствием включилась со мной в беседу. – Сейчас весь госпиталь на восток, к столице передислоцируют, санитарки все заняты, вот нас, штабных, и бросили на помощь.

– О-о! Да ты, наверное, солидный пост при штабе занимаешь? – У меня немедленно заработали шарики-ролики по поводу нужной мне информации. – И, наверное, всех остальных симпатичных девушек в армии знаешь?

– Скажешь такое! Знаешь, сколько женщин служит? Тысячи! Всех знать просто невозможно. Тем более что я в основном только возле императрицы нахожусь, с личным составом мало общаюсь.

– Ух ты! – я и не скрывал своего восторга. – Возле самой императрицы?! Так это ж ты все секреты знаешь, во все штабы вхожа и любого человека мне можешь помочь отыскать?

Кажется, слова о секретах оказались явно лишними. Девушка моментально стала неулыбчивой и практически замкнулась в себе. Из такой партизанки ничего не вытянешь. Поэтому я даже поразился, когда она, с горящими от любопытства глазами, спросила меня в конце кормёжки:

– А ты всегда такой страшный был?

Ну да, Шеян мне говорил, что на мне пока даже царапины толком заживать не начали. Настолько мои симбионты озаботились излечением внутренностей. Так что я хорошо представлял, как внешне выгляжу, и сочувствовал малышке, вынужденной возиться с таким страшилищем. Поэтому постарался улыбнуться:

– Нет, это я временно такой, пока не вылечусь. Со временем и волосы у меня на голове вырастут, и брови восстановятся с ресницами. Стану таким красавцем, что и не узнаешь! Всё вылечивается и всё улучшается в нашем волшебном мире!

Она грустно покивала на мои слова, а потом печально пробормотала:

– Ну да, ты вылечишься, а я так и останусь коротышкой…

И по её щекам покатились слезинки. Мне так стало больно за девушку, так захлестнула волна сострадания к ней, что я, не задумываясь, зачастил словами:

– Нашла о чём переживать! Ничего страшного, что невысокого роста, зато на руках носить такую красавицу легче. Запросто можно всю жизнь проносить! Да и разве проблема вырасти? Надо только Первый Щит отыскать…

– Не поможет! – заливалась Аня слезами.

– Ещё как поможет, мне ведь помогло! Смотри, какой я большой и сильный!

– Хм!.. Ты? Сильный?.. – Но хоть слёзы сразу перестали течь.

– Ну, это я сейчас худой, кашляю, курю и пьянствую. А так я парень хоть куда! Вот встану на ноги, обязательно для тебя крысу-пилап поймаю!

– А ты что, тоже был коротышкой?

– Э-э-э… – замялся я от такого конкретного вопроса. Всё-таки не хотелось о таком себе вспоминать, да и некоторые легендарные слухи на себя не желал навешивать. Поэтому предупредил: – Только никому ни слова! Хорошо? – она серьёзно кивнула, и я объяснил: – Скажем так, мне тоже чуток не хватало до нормального роста. Но как только стал носителем Первого Щита – сразу подрос до желаемой отметки. Так что не сомневайся: если не хочешь, чтобы тебя всю жизнь носили на руках, – обязательно подрастёшь.

– Мне императрица тоже так говорила, – призналась Аня. – Только чтобы носили, это я не подумала… – Взгляд её упал на мою правую руку. – О! Что это у тебя за наколка на ладони?.. Такая красивая…

– Это специальный знак, «Наездник». Позволяет мне управлять особенными ездовыми животными… и не ездовыми тоже.

– Оленями? Или харезбеками?

– Фи! Могла бы этих мерзких рогатых волков не упоминать! Ты мне лучше про императрицу расскажи. Она старая или пожилая?..

– Ой! – спохватилась она. – Мне бежать надо, а я заболталась. Пока!

И умчалась, как маленький метеор. А я остался в растерянности и недоумении. Вроде и поговорили ни о чём, а у меня осталось такое впечатление, что у меня все что надо выспросили, а вот на мои вопросы так и не ответили. И бог с ними, с секретами, но даже про возраст императрицы Аня ни полслова не сказала. Боится, что ли? Или это тоже по разряду военной тайны проходит?

Вот в таких размышлениях и застал меня Шеян. Причём с ходу задал вопрос в лоб:

– Ты императрицу видел?

– Какую? – растерялся я, сразу представив холёное личико Ваташи Дивной.

– Да та, что здесь была! Дочь богини Герчери! – кипятился тайланец.

– А она здесь была?! – крайне поразился я, заподозрив вдруг Аню бог знает в чём: – Такая маленькая? Метр пятьдесят?

– Сам ты маленький! И больной! Ребята говорят, сюда сама императрица заходила со свитой. Даже на тебя смотрела. Говорят, ты спал. Но, может, и не спал?..

– Спал…

– Ну и зря! Такое диво дивное упустил!

– М-м?.. Если она не старая, то какая?

– О-о-о! Она божественная! – Глаза целителя заволокло туманом. – Самая прекрасная!.. Самая молодая!.. Самая…

– Ладно тебе, ладно! – осадил я его. – Прогиб засчитан, на ужин тебе выдадут сладкий коржик. Ты лучше скажи, куда так надолго пропал: я уже и волноваться начал.

– Да из-за этой картины твоего барона! – досадуя, приступил Шеян к рассказу. – Уж как я изворачивался, как пытался уйти от прямых ответов, скандал всё равно поднялся немаленький. Сама императрица картину забрала, а потом и сюда помчалась на тебя взглянуть. А уж меня следователи наизнанку вывернули вопросами о тебе! И как бы ты извивался на моём месте?

Опять я постарался пошутить:

– Если бы не дали твоей самогонки, всё бы рассказал! – И тут же перешёл на жалобный тон: – Доктор! Нельзя ли дозу получить? А то уже целый десяток пропустил.

– Алкоголик! – Но за флягой своей потянулся.

– И покурить! – Наглеть так наглеть.

Напоил. Дал мне спокойно вздохнуть, а потом и закашляться счастливо в клубах втягиваемого дыма, и только потом продолжил:

– О том, что ты Трёхщитный, – сказал. Что пытался сражаться со зроаками – тоже. Своим мнением о твоей роли в сорвавшемся проклятии с кем надо поделился. Вопрос рассматривается и изучается. Про всё остальное сказал так: врачебная тайна. Тем более что мне не принадлежащая. О степени знакомства тебя с бароном – понятия не имею. Только и передал твоё предупреждение о картине. Но следователей очень заинтересовал вопрос: что делал барон Белый в середине вражеской колонны? Если бы не мои запреты и личное слово императрицы, тебя уже утомляли бы перекрёстным допросом.

– Спасибо. Не забуду.

– Спасибо в трубку не накрошишь, – проявил меркантильность тайланец. Хотя и улыбался при этом. – За это с тебя лишняя порция коры.

– Да хоть две!

– Ловлю на слове. Ну и самое главное, сейчас для тебя готовят особую, мягкую повозку на рессорах, и мы отправляемся во временную столицу империи, в Лордин. Чтобы ты не ворочался в дальней дороге и меньше страдал от тряски, я тебя усыплю. Сейчас покормим тебя обильно, и на двое суток бай-бай.

На мой вопрос, почему временную, тоже имелся ответ, удивительный по своей эпичности и заставивший меня надолго впасть в задумчивость:

– Для новой столицы готовится легендарный город в Шартике, наверняка её столица. Наша императрица сумела открыть дорогу в царство мёртвых ешкунов, и сейчас там лучшие академики нашего княжества, эйтранов и белых кречей пытаются приспособить город под поселение. Если это удастся, то именно там будет столица империи Герчери. Тем более что внутри города есть некое строение с куполом, очень напоминающее Сияющий Курган. Всё остальное ты и сам понимаешь…

Понимал. Потому и задумался.

Глава седьмая

Платон – представитель

По моим понятиям, новорождённая империя Герчери могла в будущем столкнуться с проблемами правового характера. Естественно, что я и десятой части всех отношений, прав и законов не знал, но зато обладал знаниями, которыми пока в этом мире никто не обладает. Ну, разве что вашшуна Шаайла, которая со своим камнем-артефактом сейчас либо на пути к своему монастырю, либо уже в монастыре готовит страшнейшее для кречей проклятие. В своей одержимости ведьма не сразу обратит внимание на новое государство и уж тем более не помчится в Шартику отстаивать права и собственность когуяров.

А ведь когда те вернутся в этот мир (а они вернутся, я им обещал!), то обязательно захотят себе возвратить и царство, и сам город, и уж тем более Сияющий Курган-2. Если это действительно он. Разве что подавляющее большинство жителей города Иярта не захочет покинуть его привычные башни и перебраться в иной мир, мир, откуда пришли их предки. Мир, в котором их до сих пор называют ешкунами. И мир, в котором об их внешности до сих пор никто не имел ни малейшего понятия. Их рисовали здесь по-разному, начиная от лохматых домовых и заканчивая злобными тираннозаврами. Но никто не знал, что это прямоходящие коты, очень похожие на ягуаров и ростом почти с нормального, взрослого человека.

Не знали и они сами, где именно находится их родная Шартика и как туда попасть. По легендам, на их родине поселилась Смерть, и остатки когуяров были эвакуированы империей Альтру на Просторы Вожделенной Охоты. Те же имперцы построили на Дне город Иярту с дальними и ближними пригородами. Там жилось если и не как в раю, то очень комфортно, не каждая технологически развитая раса имеет подобные жилища. Но всё равно каждый когуляр верил в легенду, что когда-то они вернутся на историческую родину. И вот вернутся они, а там всё занято. И что получится?

Вариантов виделось несколько. Но все они мне не нравились. В любом случае могли возникнуть трения между когуярами и представителями этой странной, взявшейся ниоткуда империи Герчери. Если бы хоть когуяры были уже в своей Шартике и там встретили пытающихся к ним прорваться Трёхщитных, это был бы совсем иной коленкор, как говаривала моя любимая бабушка Марфа. Они бы могли на паритетных, равных условиях согласиться на патронат империи, оставляя для себя большую часть своего царства и определённую часть своего дивного города. А так – нет никого! И я ещё не скоро смогу до них добраться и тем более не скоро организовать возвращение всех желающих.

А время-то идёт! Город бесхозный, кто его первым займёт, тот и будет прав.

Хотя бы десяток когуяров сейчас находился здесь!

Да хотя бы один! Пусть и не когуяр, пусть только представитель от них!

«А что это у меня с головой? – не на шутку испугался я. – Неужели и вправду мозги вытекли после столкновения с бронированным лошадиным крупом? – Сделал проверку, перемножив некоторые числа между собой. – Хм! Вроде без напряга… Тогда почему же я немедленно не сообразил: кто я такой, от чьего имени действую и чего добиваюсь?! Ха! Да ведь отныне я – полномочный представитель ешкунов! Как раз имя удачное подобрал – Платон Когуярский! Лучше бы и специально не придумал. Вот так вот! И у меня теперь этот есть… как его? Иммунитет особый, пышный и громкий: дипломатический! Йес!..»

Правда, меня никто не прессовал… Кроме того больного на голову хирурга, казнённого на месте преступления. Но тем не менее!

Довольный собой как слон, я вышел из нирваны размышлений и решил обсудить вопросы межгосударственных отношений с Шеяном Бродским. Он ведь постоянно возле меня крутился в последний час. То кормил, то помогал мою тушку укладывать в какую-то особую повозку, то поил самогонкой, то давал покурить забористой коры. Но как только я попытался отыскать тайланца взглядом, у меня пошли круги перед глазами, а язык совершенно перестал повиноваться. И я понял, что последняя выпитая дрянь оказалась самой забористой микстурой. Той самой, которая и мёртвых усыпляет. Ещё и подтверждение услышал над ухом:

– Не дёргайся, как припадочный. Тебя уже в сон затянуло, не борись с ним, расслабься!.. И веди себя прилично… Не мычи как бычок! А то вон сама императрица подъезжает, хочет на тебя взглянуть…

Еловая жизнь! Я тоже хочу на неё посмотреть! Попытался раскрыть непослушные веки и навести хоть какую-то резкость. Вигвам! Большой и двухэтажный! Мельтешение какое-то, размытые пятна, коловороты тумана. Затем тихий, далёкий, но всё-таки странно знакомый голос:

– Никаких осложнений с его здоровьем?

– Ни малейших, твоё императорское величество. По прибытии в Лордин он даже сможет вставать. Его Первый Щит сумел практически залечить все внутренности, началось исцеление наружных швов и…

Дальше и его затихающий голос превратился в неразборчивое бормотание. Как я ни сопротивлялся, но всё-таки впал в навеянную алкоголем прострацию сна. Проклятая самогонка! В кого она меня превратила?! Почему с ней не борются мои симбионты? Тоже стали алкоголиками? И теперь воспринимают гадкую отраву за лекарство? Чувствую, они меня в таком состоянии вылечат! Ой, как вылечат!.. Как бы их самих не пришлось в наркодиспансер сдавать.

Провал в сознании.

Затем новые пятна и бормотание. Самогонка, ставшая на вкус как ликёр, мягкая, приятная… Сон о пребывании в тюрьме мира Набатной Любви. И рисую с натуры. Натура – самая лучшая, Ксана. Только она почему-то одета в рыцарское облачение и многозначительно подкидывает в руке тяжёлую, явно не для женской ручки рапиру. И хорошо, что я понимаю: это всё сон.

Далее самогонка становится вообще сладкой, словно её пополам разбавили с мёдом. Я пью её и млею от удовольствия…

Очередной сон: я в пещере с тёплыми родниками занимаюсь сексом с двойняшками Снажей и Всяной. Мне так хорошо, я начинаю вздрагивать всем телом и вдруг замечаю, что обе девушки рыдают, прикрыв лица ладошками. Я к ним, а вместо них… Вера и Катя. Причём уже не плачущие, а сурово глядящие и обвиняющие:

– Какой же ты подлый, Борька! Совсем нас забыл! Не ищешь, не спасаешь, не поддерживаешь! А Машка совсем на тебя зла, лучше ей вообще на глаза не попадайся!..

Попытался прижать подруг к себе, рассказать им, как долго и трудно я их разыскиваю, и тут же ощутил, что на лицо моё пролилась медовая самогонка, а из возмущённого гула и бормотания прорвалось несколько понятных слов:

– …размахался руками! … пора связывать!..

Новая порция самогонки, уже приторной до оскомы. Опять сон…

О! Изменение какое-то. Вроде несут на носилках.

А там и нарастающее беспокойство. Вначале вроде беспричинное. Потом приходит понимание: давно не курил. Ещё одно: а самогонка-то где? Чуть позже жуткий голод начинает терзать внутренности. Но с другой стороны, я спокоен, понимаю, что мне снится очередной сон. Но теперь он связан с другим воспоминанием: мы с Леонидом сплавляемся на корабле по Лиане. Наша цель – Рушатрон. И я при этом расту, вот потому и аппетит повышенный. Сейчас встану и пойду к столу, щедро заставленному блюдами, закусками и выпивкой. Сейчас, только встану… Точнее говоря, только проснусь… Или Леонид меня сам разбудит?.. Да где же он?!

Голод начинает терзать тело настолько сильно, что я и в самом деле просыпаюсь.

А стола-то нет! А голод-то остался!

Я в какой-то небольшой комнате с двумя кроватями. На одной сам лежу, привязанный широкими полосками ткани. Вторая пуста. Два стола, этажерки и стеллажи заставлены всякой мелочёвкой, которая больше тяготеет к оборудованию лаборатории. Скорей всего, химика или целителя. Окно небольшое, высоко, даже стоя в него не заглянешь. И никого!

Язык во рту непослушный и одеревенелый. Припоминаю, что это его так скрутило после последней порции чересчур сладкого самогона. Но раз не могу

кричать и звать на помощь, то надо попытаться понять, что со мной. Как самочувствие? Двигаются ли конечности? Если мне не примерещилось, то вроде Шеян обещал моё чуть не полное исцеление к моменту прибытия. Значит, потому и привязали, чтобы не убежал раньше времени. Или я под домашним арестом? Да вроде не должны настолько пресекать.

А я что, больничной дисциплины не понимаю? И так, лежал бы себе спокойно, если бы не умирал от голода!

Первым делом проверил свои умения диагноста. Работает! Аккуратно приподнялся сознанием в астрал, завис над своим телом и начал его рассматривать. Пусть медленно, пусть не везде в полной мере удавалось просмотреть глубинные участки тела с заживлением, но опасных очагов ядовито-зелёного цвета, обозначающих гниение, нигде не обнаружил.

Краснота по всему телу тоже отсутствовала. Царапины и синяки с лица сошли. А вот ужасающие, неприятные шрамы на лысой голове, наверное, заставят вздрогнуть своим видом каждого, кто их станет рассматривать. Такое впечатление, что башка моя развалилась на шесть-семь кусков, а потом эти куски грубо и неаккуратно сшили. Вопрос: когда эти жуткие шрамы рассосутся? И волосы не росли на своём положенном месте, не просматривались, как я ни старался. А это что за напасть? Кто виноват? Или мне, помимо ожогов в Планетарии, ещё и каким проклятием от шаманов-когуяров прилетело? Чувствую, что без десятка, а то и двух груанов мою покалеченную «крышу» не восстановить. И так следовало как можно быстрей смотаться на Дно, чтобы восстановить свой статус Светозарного, насобирав пятнадцать «своих» груанов. А при таком внешнем виде придётся туда попасть немедленно. Иначе никто за меня, такого уродливого, замуж не выйдет.

Хе-хе! И даже знакомиться со мной не захочет!

А почему я так подумал? Да потому что и своё мужское достоинство проверил на предмет здоровья. Там всё было не просто в порядке, а в полной боевой готовности. Может, и не по вине долгого воздержания, а из чисто физиологических причин, но тем не менее! А уж когда в мои воспоминания ворвались богини танца и секса из мира Содруэлли, желание немедленно встать и пойти жениться вытеснило на какой-то момент из сознания даже чувство зверского голода.

Щитов своих и груана я не увидел. Как всегда, затемнение полное.

Неприятное впечатление произвели на меня грязные потёки на шее. Это так добрый целитель поливал меня щедро медовой самогонкой, не иначе. И хорошо, что освоенная на Дне методика очищения тела позволила без особого напряжения окатить себя волной полной очистки, «пошкой», как я её назвал. Образовал одно слово из двух: помывка и сушка. Насколько я помнил, подобное умели применять многие Трёхщитные, но у них это деяние вообще длинно называлось и занудно. Вот я и переименовал. К тому же у меня получалась ещё и последующая ароматерапия, словно я пользовался во время мытья замечательным шампунем или особо пахнущим мылом. На Дне, правда, это своё умение я почти не применял, там и омовений под душем, в родниках и в прочих купелях хватало, а сейчас вот, будучи явно не в сауне, – пригодилось.

Как следствие, после «пошки» настроение немного улучшилось и у меня появилось желание себя опробовать в полноценном движении. Раз кости целы, ладони и ступни шевелятся, то чего лежать-то? Манна с неба не сыплется, Шеяна с самогонкой не видно, а взбесившиеся от голода симбионты уже и в самом деле начали прогрызать дыру из желудка к сердцу. Или к остаткам мозга?

Больно. Муторно. Идей, как куски ткани на себе порвать, нет. И не побоялся бы себе руки отрезать эрги’сами, да до плеча дотянуться не получается. Значит, вся надежда остаётся на симбионтов. Вот и разговаривал я с ними так, словно они вдруг стали ручными собаками. Типа Блачи. И о себе в третьем лице стал заговариваться:

– Давайте, родные, надо повязку хотя бы на одной руке убрать. Уж не знаю, как вы постараетесь, но надо тело освобождать. Оно кушать хочет. Если вы тело освободите, дядя вам много очень вкусной пищи подгонит. На всех хватит… И на дядю тоже… Ну? Что вы там возитесь?.. Постарайтесь косточку острую из тела выставить и ею, ею ткань перерезать…

Хорошо, что Щиты моих глупых подсказок не слушали. Они вместе с груаном сообразили лучше: правая кисть обильно покрылась потом, и через минуту прочная, толстая ткань превратилась в осыпающуюся труху. Подобный эффект достигается после пролития кислоты. Так что получается, что моё тело может вырабатывать что угодно? Пугающее умение!..

Правой рукой отбросил лёгкую простынь и освободил левую. Потом – уже двумя руками – убрал полоску ткани с плеч. Затем аккуратно сел, прислушиваясь к себе и опасаясь, что нечто хрустнет в том же многострадальном позвоночнике. Обошлось, хотя мышцы стонали от болезненной истомы. Явно застоялись без дела. И не сказать, что мускулы готовы к подвигам, но до ближайшей кухни тело как-нибудь доведут.

Когда свесил ноги на пол, попытался сообразить, где здесь может быть моя одежда. Хотя Бродский ещё в первых наших разговорах утверждал, что моё измочаленное тело вытянули из одежды, только изрезав её на лоскуты. Но хоть халат какой-то должен быть?

Прошлёпал босыми ногами к шкафу, там и в самом деле отыскал халат. Заметив на полке несуразный колпак (я такие только в фильмах видел), всё равно его напялил, помня о непритязательных на вид шрамах. А вот с тапочками – не сложилось. Так и пришлось выходить из комнаты босиком, несмотря на довольно холодные мраморные плиты на полу. Но что такое застывшие пятки по сравнению с терзающим голодом?

Как ни странно, за толстой, не пропускающей звуки дверью кипела жизнь. Широкий коридор, скорей всего, огромного госпиталя кто только не бороздил. И рыцари, и воины в одеждах попроще, и гражданские лица, и женщины в просторных балахонах, напоминающих наряды сестёр милосердия. А больные, в таких же дурацких колпаках, как у меня, и без оных, общались между собой, двигались куда-то, что-то несли в тряпичных котомках. Наверное, сегодня здесь был день открытых дверей с выдачей дополнительного пайка на рыло. Все родственники ринулись навещать больных и раненых.

А коль мне подобное из-за отсутствия родни не грозит и паёк на моё рыло не положен, то я обострившимся обонянием выбираю верный и уверенный курс на кухню. Пробрался, бочком протиснулся по парочке коридоров. Затем, словно лунатик, прошёл парочку помещений, а там и большой зал с плитами пересёк. Наверное, мне везло. Или просто так удачно совпало. Людей и поваров хватало, но в момент моего появления кто между собой говорить начинал, кто на что-нибудь в сторону отвлекался, то их кто-то окликал с противоположной стороны. Да и моему взгляду толком не на чем было остановиться. Видимо, процесс приготовления предстоящей трапезы только был запущен. Всё было в процессе разделки или едва начинало готовиться.

Но обоняние меня не подвело: я оказался в кладовой. Один. Ещё и дверь кто-то с той стороны прикрыл, с недовольным ворчанием:

– Ну кто всё время оставляет её открытой?..

А я впал в очередную нирвану блаженства. Удобно сел на какой-то ящик. Спокойно ел, до чего руки дотягивались. С удовольствием пил из стоящего рядом кувшина с молоком. И с блаженством хлебушком закусывал, буханка которого оказалась у меня под руками, словно по волшебству. Видимо, автоматически прихватил в ином месте.

Лепота! Согрелся. Снял колпак. Стало ещё жарче. Расстегнул халат. Как-то разум совсем отключился, и даже мысль, что симбионты всё-таки захватили моё тело, а теперь привели его на кормёжку, совсем не разбудила сознание, отупевшее от желания пожрать. За час с лишним я так объелся, что меня стало клонить в сон. Глаза слипались. Я бы так и заснул надолго…

Однако после звука раскрывшейся двери по мне ударил такой крик, что я оглох.

Глава шестая

Домогательства или голод?

Через минуту на меня орало несколько престарелых, солидно упитанных и внушительных габаритов поваров обоего пола. Поигрывая ножами, гигантскими половниками и разделочными досками, они с угрозой продвигались в мою сторону. Но мало того, что я оглох и ничего не мог понять в их совместном рёве, визге и рычании, так я ещё и заикаться начал до крайности:

– Из-з-звин-н-ните, ух-х-хожу! З-з-заб-б-блудился.

Куда там! Меня никто не слушал! А вот убить и подать на стол вторым блюдом вознамерились весьма твёрдо. Видно было, что боялись меня страшно, но, двигаясь толпой, заводили друг друга и подбадривали криками. Недостача съеденных мною продуктов их пугала гораздо больше моей внешности, и они

решили покрыть растрату удачной охотой. Так что участь моя оказалась решена. Как бы… Ибо совесть не позволяла запустить в атакующих эрги’сом. Даже усыпляющим. Всё-таки правила я нарушил, непотребным воровством занимался, внешним видом своим пугал… Виновен!

Но совесть и осознание собственной вины – это одно, а желание выжить – другое. Поэтому колпак я на голову напялил и тут же потянулся за клубком энергии, намереваясь просто отпугнуть от себя излишне ретивых кухонных работников. Однако не успел, на поле боя явился самый главный начальник этого царства сковородок и варочных котлов.

– Чего вы так разорались? – вроде негромко, но властно заявила о себе явившаяся дамочка в белом поварском костюме и шапочке. – Неужели крысы у нас завелись?

– Хуже! – тыкал в мою сторону тесаком один из поваров. – Тайланец сюда прокрался и половину кладовой выел!

А его коллега женского пола здоровенным половником попыталась мне ткнуть ниже живота:

– И ведёт себя хуже бесстыжего жеребца!

Только тогда я вспомнил, что халат у меня расстёгнут, и попытался его запахнуть, возобновляя извинения:

– Виноват! Голод л-л-лишил с-с-сознния!

– Идите работать! – строго приказала шеф-повар. – Я тут сама разберусь. Кто такой? – Повара живо ретировались из кладовой, оглядываясь на меня с ехидными улыбками. – Из госпиталя сбежал, что ли?

Пришлось больше кивать и жалобно разводить руками, чем бороться со своим неуместным заиканием. При этом полы халата опять распахнулись, вновь показывая миру мои исхудавшие ноги и то, что между ними.

– Ладно, пошли ко мне в кабинет! – заявила дама, жестом увлекая за собой. – Там разберёмся.

Выйдя из кладовой, мы свернули в коридор, а там и в комнате очутились, какие обычно можно назвать рабочим кабинетом какого-нибудь министра или как минимум его зама. Комната была огромная, и лепные потолки нависали на шестиметровой высоте. Меня там сразу порадовали войлочными тапками в виде шлёпанцев, вручённых в руки:

– Надень, а то простудишься! – и тут же, деловым предложением: – Выбирай: или вызываю коменданта дворца и тебя сажают в карцер за нарушение порядка, или ты отрабатываешь у меня на кухне двое суток. Людей у нас катастрофическая нехватка, так что выздоравливающих из госпиталя мне дают постоянно. А раз ты сюда пришёл, да умудрился в кладовку проскользнуть, значит, ты в любом случае почти здоров.

Из чего я понял, что изначально находился непосредственно в самом дворце, одно из крыльев которого отдано под госпиталь. А сейчас уже в другом месте, где властвует Жратан, бог излишества и обжорства. Было понятно, что работать на кухне, при всей своей прожорливости и тяге к съестному, не хотелось. Да и планы у меня имелись совершенно иные, чем торчать возле котлов или заниматься чисткой картофеля. Про свою дипломатическую неприкосновенность я тоже не забывал.

Так что без всякого страха заявил:

– Коменданта – не б-б-боюсь. Познакомлюсь – н-н-не з-з-загнусь.

– Да-а? – протянула поражённая шеф-повар, снимая поварскую шапочку и встряхивая заструившимися на плечи роскошными волосами натуральной блондинки. – Не загнёшься? Такой стойкий? Кто бы мог подумать… – У себя на столе постучала кулачком по странной выпуклости, а потом и китель сняла своего белого костюма. Повесив его аккуратно на спинку стула, стала обходить меня по кругу и осматривать: – Говорили, что все тайланцы строптивые и наглые, но лично вот так с вами встречаться ещё не доводилось… Ты назовёшь своё имя?

– Меня зовут Платон. Но что тебе даёт знание моего имени? – Я её тоже рассматривал, но с каким-то особым удовольствием и неуправляемым, просыпающимся вожделением. Тонкая, полупрозрачная блузка почти не скрывала прелестных женских выпуклостей, которые так и хотелось немедленно пощупать. На вид сексапильной красотке было не больше двадцати пяти, и с каждым мгновением она становилась всё аппетитней и желанней.

Отвечала она, словно специально желая меня раззадорить, облизывая язычком свои коралловые губки:

– Интересно будет потом рассказывать подругам, как некий Платон ползал на коленях перед комендантом дворца.

– Странные у тебя фантазии. И ладно бы – ещё сексуальные, касающиеся нас двоих! – решил я съязвить, чувствуя, как завожусь ещё больше и теперь готов к какому угодно продолжению нашей беседы. Весьма своевременно и заикание почти исчезло: – Хотя это женщине больше пристало – становиться на коленки и…

Она зашла мне за спину, но неожиданно сдёрнула халат с плеч на лопатки и прижалась щекой к спине:

– М-м! Как приятно пахнешь!.. Где только такое мыло нашёл? – Тут же скользнула вперёд, распахнула полы моего халата и ухватилась крепко за восставшее достоинство. Мурлыканье у неё после этого стало угрожающим: – И что там пристало женщине делать? Встаёт на коленки и… Ублажает мужчину интересным способом? Да ты развратник!.. О-о-о! Ещё и какой!.. И разве слабая женщина устоит перед таким искусителем?..

Честно говоря, я так и не понял своего личного участия в процессе искушения. Но дальнейшее действо мне весьма и весьма понравилось. Дама опустилась на колени и продемонстрировала чуть ранее задекларированное ублажение. Тогда как я стоял, стоял… и никак не мог отыскать резоны, позволявшие мне возмутиться, уйти, вырваться, отстраниться или ещё как-то прервать подступающее блаженство. Лишь где-то глубоко в подсознании логика попыталась дать объяснение происходящему:

«Пусть я и лежал при смерти долгое время, сексуальная неудовлетворённость накапливалась и давно перешла разумные сроки вынужденного пуританства. А если вспомнить то, что я творил в последние недели, ставши Светозарным на Дне, долгий пост мне противопоказан. Вполне возможно, что некие остатки вуали вокруг меня превратились в определённые флюиды, гормоны страсти, оказавшись рядом с которыми любая женщина будет вести себя подобным образом. К тому же в моём теле сказался всплеск энергии – после обильного приёма пищи… Следует учитывать и сам факт сексуального голода у главной поварихи… Она тут говорила о нехватке людей… Одни бабульки и старики у неё на кухне работают…»

Иначе говоря, моё воспитание не позволяло мне комплексовать. Ханжой тем более никогда не был и твёрдо верил: все, что по согласию и к взаимному удовольствию, – совершенно верно и всегда правильно.

Халат с меня спал, тапочки тоже, и мы плавно сместились на диван, который оказался в кабинете шеф-повара весьма кстати и нужного размера. Определённые звуки мы тоже издавали всё громче и громче, но раз соблюдением тишины моя партнёрша не заморачивалась, то я – тем более. Как и тем, что она вскоре осталась совершенно голенькая. Лишь чудом удерживающийся госпитальный колпак у меня на голове выдавал статус выздоравливающего. Почему-то снять его я не спешил, помня по недавнему осмотру из астрала, насколько нелицеприятно выглядит моя изборождённая рваными шрамами лысина.

А сам процесс увлёк меня настолько, что я перестал следить за пространством вокруг себя. И ощутимо вздрогнул, когда шеф-повар взглянула мне за спину и с раздражением произнесла:

– Чего стоишь, пялишься? Присоединяйся!

Естественно, что я замер всем телом, только и повернул голову из не совсем удобного положения. Затем чуть ли не минуту рассматривал ловко и быстро раздевающуюся женщину. Причём весьма симпатичную, сексапильную, со спортивной, даже чуточку излишне стройной фигурой. Кто она такая, понять было сложно, но, скорей всего, относилась к военным. Потому что на спинке стула висел уже ладно скроенный френч, да и остальная одежда напоминала строгую форму. Развернувшись лицом к партнёрше, я попытался задать хоть какой-то вопрос, но моё вновь вернувшееся заикание было прервано в самом

начале:

– Не останавливайся, милый! И не отвлекайся на пустяки: я вас потом познакомлю. Лучше рассчитай свои силы, чтобы тебя на нас обеих хватило. Не пожалеешь…

Да я вроде и так ни о чём жалеть не собирался. Две знойные женщины в четыре руки и в два язычка так умело меня ласкали и ублажали, что из головы выветрились все правила хорошего тона и приличного поведения. О каком знакомстве речь?! Разве уместна здесь щепетильность джентльмена? Тем более что я и с первой-то дамой познакомиться не успел.

Мужское самолюбие не позволило мне слишком рано выйти из игры. Поэтому, сконцентрировав волю на достижение конечного результата, я постарался ублажить обеих женщин. И вроде как справился. Вначале откатилась в сторону вздрагивающая от удовольствия шеф-повар. Затем дошла до финального аккорда и её подруга. Ну и в какой-то момент, разворачивая женское тело в нужную мне позицию, я сам оказался коленопреклонённым. Что и вызвало короткий смешок у первой партнёрши:

– Ну вот! Правильно я предвидела! – Но только через несколько минут, когда уже всё закончилось и я в блаженной истоме застыл на диване между обеими женщинами, последовало толковое объяснение: – Я словно заранее знала, что некий Платон будет ползать на коленях перед комендантом… Так что познакомься: Марта Вольна, гроза всех нарушителей порядка во дворце её императорского величества, начальник личной гвардии императрицы и глава всей внутренней охраны этого громадного комплекса. Её гнева только я не боюсь… иногда…

Я в недоумении уставился на вторую партнёршу, пытаясь понять, как оно всё так интересно получается, и забыв озвучить положенную в таких случаях фразу «Очень приятно познакомиться!» Излишне симпатичная комендант подалась ко мне, смачно чмокнула в губы и продолжила церемонию знакомства:

– А я тебе свою подругу представлю, хотя и не могу понять, как это вы так сразу в плотный партер сошлись… Оляна её зовут, из Ясинских. Самый лучший кулинар среди эйтранов и по праву главная в данном царстве вкусной и здоровой пищи.

Тут я уже из себя выдавил кое-как:

– Какие красивые имена… И рад, что удостоился такой… мм…

За что был обласкан и с другой стороны поцелуем. Да и не только поцелуем: незамедлительно две женские ручки стали поглаживать меня ниже живота.

Вот тут в кабинет и явились ещё две, совсем нежданные особы. Широко распахнутыми глазами они уставилась на открывшийся им натуральный натюрморт: я, в колпаке, откинувшийся на спинку дивана и вытянувший ноги на пол. И две симпатичные женщины, закинувшие на меня ножки и весьма интенсивно пытающиеся подвигнуть своего партнёра на очередной фривольный подвиг. Картина маслом «Разврат на рабочем месте». Или «Целевое использование кухонного работника». А может, и так: «Пойманный в кладовой воришка отрабатывает съеденную сметану».

Глава девятая

Поиски добавки

Шеян Бродский возвращался в выделенную для него и его подопечного палату с немалой головной болью. Настолько его за последние несколько часов допекли непрекращающимися допросами, переходящими в шумные диспуты, споры и в откровенную ругань. Причём допрос проводили сразу шесть человек: два военных следователя и четверо Трёхщитных, специалистов по созданию проклятий и защите против них.

Вначале-то они все припёрлись в палату и долго разглядывали тело выздоровевшего пациента. А когда крики и споры над спящим пациентом достигли апогея, кто-то из них предложил всей компании перейти в иное место для обсуждений, более удобное. Конкретнее, в лабораторию, где помимо всего остального полагающегося оборудования имелся и громадный самовар для чаепития.

– Этот Платон ведь никуда не сбежит? – уточнил следователь.

– Как минимум ещё пять часов должен спать, – заверил Шеян. – Но уж когда проснётся, будет голоден как никогда. Сами видите: внутренние ресурсы организма истощены до крайности, так что желательно тройную порцию ему доставить, и прямо сюда.

– Я распоряжусь, – пообещал один из Трёхщитных. Но в последующих прениях об этом забыл.

Так что возвращающемуся Бродскому ещё и этот вопрос добавлял головной боли:

«Положенную порцию дадут, – соображал он, остановившись на перекрёстке коридоров, – но Платону надо несколько порций, причём резко усиленных по количеству калорий, кальция и витаминов. Так что, наверное, придётся самому идти на кухню, воевать с шеф-поваром, а то и жаловаться на него коменданту. И то не факт, что мне пойдут навстречу…»

С питанием в столице в последние дни сложилось совсем плохо, караваны с продуктами из княжества Тайланов ещё не дошли, а запасов имеющихся резервов хватит всего лишь на две рудни. Так что всеобщее затягивание поясов выглядело более чем своевременным. Даже раненым выделяли половину от положенной нормы, но никто этим не возмущался, народ относился с пониманием или изворачивался благодаря гостинцам, которые сносились в госпиталь родными и близкими пациентов.

«Знать бы ещё, где своих родственников отыскать? – риторически спрашивал себя тайланец, присматриваясь к людям в коридоре и пытаясь отыскать хоть одно знакомое лицо. – И наших всех уже в главные казармы отправили, возле посольства княжества. Один я тут остался… С этим загадочным Когуярским… Хм! И покидать я его не собираюсь! Пусть вначале свои обещания выполнит, а потом хоть часть скопившихся вокруг него тайн откроет».

Загадок вокруг Платона становилось всё больше и больше. По тому же бою на дороге получались вообще абсурдные выводы. Следователи провели гигантскую работу, опросив каждого участника, а потом ещё и проверив снятые со зроаков трофеи. И теперь соотношение потерь у врага несколько поменялось. Получалось, что лучники егерей уничтожили на пятьдесят людоедов меньше, чем было заявлено изначально. Тогда как эти полсотни в самом деле полегли на

среднем участке дороги. Иначе говоря, в пространстве вокруг и рядом с экселенсом Когуярским. К тому же подавляющее большинство там погибло не от колотых ран, а от рваных, со следами ожогов.

Вот эти раны и не давали больше всего покоя следователям. Простая арифметика давала чёткие результаты: в центре колонны находилось четыре Трёхщитных зроака. Пятый – сам Платон. Все они, суммируя свои силы, могли уничтожить не более ста тяжеловооружённых, закованных в лучшую броню рыцарей. И это – в самом благоприятном для ведения боя случае. А ведь было выяснено: один, а то и два обладателя колдовской силы полегло чуть ли не в самом начале столкновения. Откуда же ещё двести трупов? В том числе и лошадиных? Ведь для уничтожения такого количества существ теми же эрги’сами, надо было бросить в гущу боя все двадцать носителей Трёх Щитов. Если не больше…

Вот и мусолили вариант с проклятием, которое зроаки «уронили» сами на себя. Но не простое проклятие, замутняющее разум, а особенное, покрывшее всё пространство страшными взрывами. Иного воздействия, по оценкам специалистов, просто не могло быть. Только – увы! – такого проклятия не существовало в природе и подобное воздействие никогда не упоминалось в истории.

Кто мог хоть немного пролить свет на данную загадку, так это двое выживших, единственные свидетели кровавой мясорубки в центре вражеской колонны. Только вот одного из них, барона Белого, уже списали из живых. До столицы его довезли, и даже общее физическое состояние его не вызывало опасений. А вот из состояния комы бедный старик так и не выходил. А по всеобщему мнению целителей, уже и не выйдет. Следовало прекратить страдания несчастного, избавив его от тягостных мучений. Ведь вполне возможно, что некая часть его сознания испытывала невыносимые муки. Только и ждали, когда единственный знающий барона человек придёт в сознание и даст согласие на эвтаназию Строга?на Белого.

Ну и самого Платона жаждали допросить с пристрастием. Потому что полноте пересказов Шеяна Бродского не совсем доверяли, мягко говоря. А про остальное, что посторонним пока знать не следовало, целитель рассказывать не собирался. В глаза ему не говорили, что он врёт, а деликатно намекали, что он попросту не совсем компетентен в некоторых вопросах. А потому «…не совсем верно задавал вопросы своему земляку-пациенту и, как следствие, не совсем адекватно

интерпретировал получаемые ответы».

За подобные утверждения Двухщитный тайланец в последние часы чуть не подрался с эйтранами, перенервничал, изголодался и сейчас, стоя на перекрёстке коридоров, страдал от головной боли и сомнений:

«Куда же пойти в первую очередь? – И всё-таки доверился своему врачебному долгу: – Вначале гляну на Платона, а уж потом пойду на кухню…»

И тут же был окликнут сбоку какой-то женщиной:

– Шеян, а где твой пациент?

Чуть не под два метра ростом, тайланец даже растерялся немного, когда, обернувшись, так и не понял, кто к нему конкретно обращается. Хмыкнул озадаченно и хорошо, что глянул ниже, узнавая в небольшой по росту девчушке личного ординарца императрицы Марии:

– О! Это ты, Анечка! – постарался он не показать смущения и своей нерасторопности. – Я тебя и не узнал сразу, счастливой будешь!

– Скорей бы! – вздохнула девушка. Но взгляд стал строже: – Так где этот?..

– Спит. Попутно выздоравливая, – усмехнулся целитель. – Вон в той палате. А что, тебе его тоже допросить надо?

– Хочу увидеть, в каком он состоянии, и лично у него поинтересоваться о самочувствии.

– Ладно, идём вместе. – Они двинулись по коридору к нужной палате. – Покажу тебе его исхудавшую тушку, в которой уже рёбра от истощения так наружу выпирают, что вот-вот кожу порвут…

– Его что, не кормят? – нахмурилась Аня.

– Внутренние резервы тела его Щиты все потратили для лечения и срастания костей, – решил Бродский воспользоваться знакомством с малышкой. – Поэтому

парню срочно надо самую лучшую еду давать и в тройной порции. Ты, случайно, с шеф-поваром не знакома? Или с комендантом дворца?

– Знакома, – призналась девушка, но при этом скривилась, словно разжевала горький перец. – Только у этих двух мымр в пустыне песка не допросишься.

– Но тут же особый случай, – досадовал Шеян. – Такой геройский парень может отдать концы от истощения! Он скоро проснётся, а накормить его и нечем. Все микстуры на него ушли и лекарства…

– Накормим! – заверила резко оживившаяся ординарец императрицы. – В отношении него мне дано указание помочь по всем возникающим вопросам. Так что могу приказать… – И тут же резко свернула в другой коридор: – Пошли сразу на кухню! Распоряжусь от имени её императорского величества.

– О-о-о! Лучше и не придумаешь! – радовался тайланец, этакой глыбой нависая над девушкой и стараясь её нечаянно не растоптать. – Знал бы, сразу к тебе обратился. А то разносчицы со мной вообще говорить не хотят.

– Так они ничего и не решают. И время сейчас… сам видишь, что с продуктами творится…

Они прошли по парочке коридоров, затем через зал столовой и оказались на кухне. Но спросить никого не успели, как уставившиеся на них повара зачастили комментариями:

– Глянь, ещё одного лысого привели!

– Неужели это любовник этой малявки?

– Да тихо ты! Это же ординарец самой императрицы!..

– Ну и что я такого сказала плохого? Малышка имеет вкус, вон какого богатыря себе урвала! Хи-хи!

Смех одной поварихи поддержали почти все её коллеги. И стоило полюбоваться на красноту Ани, залившую её лицо, словно маков цвет. Однако голос её

прозвучал ровно, хоть и чрезмерно официально:

– Мне срочно надо видеть шеф-повара! Где она?

– Да она у себя в кабинете! – тут же посыпались благожелательные подсказки. – Вон по тому коридору и сразу направо. Причём не одна!.. Ага! Там у неё ещё и комендант бушует. Поймали тут недавно воришку в кладовке… Такого же лысого!.. Но жуть какого страшного!.. Вот его сейчас и судят там страшным судом!.. Так что лучше им не мешать!.. А то мало ли что!..

Только Аня уже неслась в нужном направлении, никого не слушая и заранее настраивая себя на решительный разговор. Да и возвышающийся за спиной тайланец придавал приятной уверенности чувству собственного достоинства.

Стучать она тоже не стала, справедливо полагая: близость к Марии Ивлаевой-Герчери позволяет её личному ординарцу входить в общественные служебные помещения без предварительных договорённостей или неуместных условностей. Но так она думала лишь до момента, как вошла внутрь помещения.

Потому что внутри комнаты лишилась не только дара речи, но и умения дышать. Увиденная картина могла шокировать кого угодно. Даже целителя, который не столько спросил, как изумлённо выдохнул:

– Платон?! А ты что тут делаешь?!

Глава десятая

Проблемный пациент

Честно говоря, ни разу в своей жизни в такие глупые ситуации не попадал. Да и такого стыда, неловкости и растерянности ещё никогда не испытывал. Вроде по отдельности ничего такого. Ну целуюсь с женщиной, ну держу сразу двоих за грудь, ну сразу две шаловливые ручки ласкают на мне что надо… Ну вошёл кто-то без стука в комнату. Ну, даже пусть не один человек вошёл, а сразу двое… Мелочи. Как бы. Зато по совокупности – о-о-о-о-о!

Особенно вот эти глаза на пол-лица наивной малышки! Как-то не к месту… А за ними возвышающийся горой Шеян с ещё большими глазищами!.. А ещё чуть выше его головы, с моей точки зрения, просматривался на дальней стене, почти под самым лепным потолком, какой-то еле светящийся значок. Сильно припылённый, покрытый слоем даже какой-то копоти, он никак мною не просматривался во всех подробностях. Только сам факт наличия. Да плюс – это странное свечение. Про местонахождение вообще упоминать не стоило: там ничего нет и шагать там неоткуда! Издевательство над здравым смыслом? Или как? И главное – в какой момент я этот значок рассмотрел! С ума можно сойти…

Тогда как Бродский совсем неуместно сделал вид, что закашлялся. Правда, в его глазах плескалось озеро смеха, да и само лицо кривилось в еле сдерживаемой улыбке. По всей видимости, он меня отлично понял, как мужчина мужчину. А вот Аня… Из-за её ошарашенного вида мне захотелось провалиться под землю или немедленно проснуться. Только действительность исчезать никуда не собиралась. Наоборот, обстановка стала резко накаляться:

– Как вы посмели сюда ворваться?! – сразу перешла на стервозный тон Оляна из рода Ясинских. – Пошли вон!

Видимо, она не узнала или вообще не знала ординарца императрицы в лицо. Зато её моментально узнала Марта Вольна, стараясь спрятаться за моей рукой и успев шепнуть подруге:

– Это Аня, адъютант дочери Герчери!..

Шеф-повар этого не расслышала, вскакивая на ноги и надевая рывками фирменную куртку на голое тело:

– Почему молчим?! – продолжала она при этом орать. – Или глухонемые?

– Мы ищем коменданта, – попытался сгладить ситуацию Шеян. – И вы уж извините, что мы так не вовремя. Сейчас же, немедленно выходим…

Он попытался аккуратно дотронуться до ординарца, разворачивая её за плечи и направляя к распахнутой настежь двери.

– Комендант вам нужен? – ехидничала Оляна. – Сейчас она оденется и вам обоим задаст!.. А по какому вопросу ищете?

– Да вот, – уже не скрывая улыбки, Бродский ткнул в мою сторону рукой, – пришли ходатайствовать за этого умирающего от голода героя, который срочно нуждается в самой что ни на есть обильной и калорийной пище. К тому же как его лечащий врач настаиваю для пациента на щадящем режиме всех его телодвижений.

– Считайте, что ваше ходатайство принято и рассмотрено положительно! – тоже не без чувства юмора ответила шеф-повар, уже успевшая и юбку вокруг талии обернуть, и в босоножках оказаться. – И щадим мы его от всего сердца. Так что топаем, топаем прочь со служебной территории! Здесь без моего разрешения никто из посторонних не имеет права находиться!

Наконец голос прорезался и у Ани:

– А я не посторонняя! – с гневом выдохнула она. Только она слабо соображала, с кем собралась спорить. Обычно повара, да ещё и главные, не сомневаются в своей богоизбранности на вверенных им территориях. И готовы бросаться даже на владельца всей собственности, а уж дерзить – это им сами боги велели:

– Если не посторонняя, то раздевайся и ложись на диван! Этот жеребчик и с тобой справится! – И нагло расхохоталась вслед выскочившей за двери девушке. Но не успел Шеян сделать и шага за ней следом, как ему поступило аналогичное предложение: – И ты можешь остаться! Вам двоим будет легче справиться со слабыми, беззащитными женщинами…

Тайланец только ускорился после этих слов, в порыве усердия хлопнув дверью.

Теперь и комендант вскочила на ноги, начав спешно одеваться. При этом она ворчала с недовольством и плохо скрываемым испугом:

– Ты что, её не узнала?

– Конечно, узнала! – фыркнула её подруга, начав уже переодеваться более красочно и эротично, следя тщательно за моей реакцией. – Но это не значит, что

я позволю ей сюда врываться без спроса.

– Как бы ординарец чего плохого не наговорила императрице, – явно распереживалась Марта Вольна. – У Герчери ко мне отношение и так несахарное…

– Ты что-то совершила предосудительное? – недоумевала Оляна искренне, от всей души. – Или этого славного парня поймали на изнасиловании нас, бедных, обездоленных? Имеем полное право на личную жизнь. Тем более что сама императрица своих фаворитов меняет как перчатки. Ходят сплетни, что за ночь двое, а то и трое к ней наведываются. И до сих пор ни она, ни принцессы чужому бабскому счастью не завидовали.

Я уже уселся на диване вполне нормально, чувствуя вновь нарастающее желание, и разразился бравурными лозунгами:

– Да здравствует наша императрица! Я её обожаю, особенно за любвеобильность. Да здравствует лучший повар империи! Да здравствует самый ласковый комендант!

Меня поняли правильно:

– Можно и повторить! – заулыбалась комендант, облачённая уже почти полностью в строгую военную униформу. – Но не сейчас, а ближе к ночи. Марта, приведёшь нашего приятеля в мои апартаменты после первого развода и проверки караулов. И сейчас его не забудь покормить как следует, а то и в самом деле худощав слишком.

– Не учи кота мышей ловить! – ответила та подруге, с некоторым сожалением присматриваясь, как и я пытаюсь запахнуться в больничный халат. – И приодеть бы его не мешало во что-то порядочное…

– Пришлю вскоре вестового с комплектом одежды.

– Мерку сними.

– Уже сняла! – хихикнула Оляна, браво подмигивая мне. Затем расправила плечи, выпятила грудь, задрала вверх подбородок и покинула помещение. Тогда как закончившая оправляться Марта подошла к небольшому зеркалу и стала надевать поварской колпак:

– Правда, у меня шикарная подруга? – Дождавшись моего восторженного мычания, не преминула кратко биографию коменданта поведать: – И очень знатная… была. У неё на Эйтране и муж, и оба ребёнка погибли при землетрясениях, саму спасли, только чудом из пекла падающей лавы вынеся. Ну и здесь уже она всё в бой с людоедами рвалась, всё ей жизнь не мила была. Хорошо хоть императрица ей ответственную должность насильно вручила, теперь вот тянется, старается. Потому что и так все мужики воюют, а в тылу работать некому… Чуток оттаивать начала в последнее время и былые формы приобретать, на мужчин стала посматривать… Но ты у неё – первый после мужа! – Она оглянулась на меня, строго предупреждая: – Так что если хоть словом обидишь…

Я попытался жестами и мимикой показать, что я на такое вообще не способен. И, продолжая коситься на припылённый значок под самым сводом, всё-таки поинтересовался, начав с признания:

– У меня подобное удовольствие с совершенно незнакомыми женщинами – первый раз. А тебя как на такое потянуло?

– Да я всегда такая, – беззаботно отмахнулась ветреная представительница рода Ясинских. – Один раз всего живём, так зачем сдерживать души прекрасные порывы? – Но в тоне у неё проскользнуло что-то печальное. Вполне возможно, что и сама она пережила какую-то драму, но настаивать на откровениях я не стал, просто согласился:

– Одобряю подобное поведение всеми фибрами души. Да и сам такой… А вот есть тут кто-нибудь, кто знает или пытается изучать историю и конструктивные особенности этого дворца? – Затем, расставив руки, как бы охватил весь лепной потолок: – Красота ведь какая! И явно построено одновременно с Сияющим Курганом.

– Не знаю, кургана вашего я не видела даже на картинках, – пожала плечиками эйтранка. – А дворец этот толком изучать некому, каждый носитель Щитов или

воевода с умениями поиска только войной и занят… Но ты у Оляны поспрашивай, она наверняка в курсе про здешние тайны. Несколько потайных ходов отыскали, говорят, в стенах их сотни, если не тысячи. Только входы отыскать невозможно… Ладно, ты тут посиди, я сейчас чего-нибудь принесу! Вкусненького.

Она ушла, а я сразу бросился к стеллажу у дальней стены. Вначале проверил его крепость: прочные дубовые доски, скреплённые специальными стальными уголками. И к стене прикреплены намертво калёными гвоздями. На совесть сделано, на века. И не с самого ли стеллажа следует шагать в иной мир? С этой мыслью я взобрался наверх и встал во весь рост на верхней полке. Значок чуть выше головы, до лепнин потолка достаю вытянутой вверх рукой. Ну и сам значок… Еловая жизнь! «Чебурашка»! Так я назвал давно уже знак родной Земли: три переплетённых между собой кольца. Но! В круге! И рядом стрелка контрфорса – тоже в кружке!

Иначе говоря, с данного места можно шагнуть в родной мир, а потом оттуда же вернуться именно сюда. Портал с двусторонним перемещением! Феноменально!

Знать бы ещё, в какое именно место выкинет данный портал. В любом случае не рядом с дачей Казимира, возле Черкасс. Там в обратную сторону дороги нет. Как бы… Ну и не к дереву возле Лаповки отсюда ведёт тропинка. А куда – и гадать не стоило, Земля огромна. Тут только ножками, только личным опытом надо проверять.

Другой вопрос: как и в какую сторону отсюда шагать? На такой высоте, и в таком неудобном месте я вижу ориентиры портала первый раз. Если тут проводить испытания «первого шага», то корячиться придётся долго и с выдумкой. Пусть и до пола три с лишком метра, а то и все четыре, голову сдуру можно свернуть запросто.

Да и кто мне позволит вот так тут шариться по углам и заниматься исследованиями? Разве что напроситься к коменданту в помощники? Или пробить для себя официальное разрешение на изучение дворца? Почему-то я не сомневался, что здесь не только этот значок отыщется. А если ещё и в тайных переходах, на балконах и внутренних галереях внимательно осмотреться, то наверняка много интересного найдёт мой взгляд, изменённый Гипной.

Счастье, что людоеды не умели воспользоваться всем этим добром, находящимся в их распоряжении. Трудно представить себе трагедию и ужасы, окажись зроаки, например, на той же Земле. С помощью современного оружия справиться с колонизаторами вроде как просто, но вдруг они прорвались бы к нам в Средние века? Разъединённое религиями человечество вряд ли справилось бы с такой напастью.

Глава одиннадцатая

Атрегут – познающий твердь

Вот в таком виде меня и застали: задумчиво поглаживающего кусок стенки под самым потолком. И в халате, который опять распахнулся. Если бы я хоть в районе двери находился, а так – напротив, и моя тушка на верхней полке стеллажа сразу бросилась в глаза вошедшим: шеф-повару и упитанной бабуле-толстушке, про которых говорят, что их легче перепрыгнуть, чем обойти.

Бабуля держала в руках поднос, заставленный снедью, улыбалась до ушей, разглядывая меня, и даже не преминула воскликнуть:

– Экий самец! Только с чего это он на стенку полез? Зачем ты, Оляночка, его так запугала?

Та тоже смотрела на меня в полном недоумении, покусывая от досады губки, но попыталась отыскать хоть какое-то оправдание:

– Раненый… тяжело. Без колпака не ходит…

– Ага! Понимаю! Чтобы голова не развалилась! – хохотнула повариха, поставила поднос на стол и, уходя, с нескрываемым ехидством посочувствовала своему шеф-повару: – Тяжко нам без мужиков-то и таких вот пауков приходится подкармливать.

Когда она ушла, а я стал аккуратно слезать, мадам Ясинских обеспокоилась:

– Платон, ты чего в самом деле? Ничего не болит? – Края шрамов на голове она всё-таки сумела хорошо рассмотреть во время нашей близости. Ну и я, в меру своей фантазии, попытался её успокоить:

– Да всё нормально, не переживай. Просто я немного помешан на внутреннем дизайне помещений, на архитектуре подобных зданий вообще и на потолочной отделке в частности. И, увидев такую лепку, не смог удержаться от рассмотрения её вблизи и ощупывания собственными руками.

– А-а! – протянула успокоенная красавица. – Тогда тебе точно придётся в паука превратиться, ползая по здешним стенам и потолкам. Потому что подобных красот здесь неисчислимое множество. Садись лучше ешь, пока горячее… Только руки сполосни… – и указала на таз с водой, стоящий на тумбочке.

– Уже очистил, – похвастался я, показывая ладони ей под самые глаза. – Нам с этими омовениями проще.

– Так ты носитель Щита? – догадалась Оляна. – А то и парочки?

– Скрывать не стану, тем более от тебя: больше, чем парочки.

И со здоровым энтузиазмом набросился на еду. Примолкшая женщина минут пять не столько любовалась мои аппетитом, как напряжённо размышляла об услышанном, проводила параллели и делала выводы. Потом их всё-таки озвучила:

– Мне показалось, что ты молод. Даже младше меня. Но Трёхщитных, имеющих менее пятидесяти лет, не бывает в природе…

– Много ты о той природе знаешь? – Первый голод я утолил, поэтому смог участвовать в диалоге. – Но даже если мне уже далеко за сто лет, что от этого изменится?

Она опять примолкла, хотя по её взгляду легко читалось следующее: «Одно дело кувыркаться на диване со своим примерным сверстником, а совсем другое – со столетним старцем. А я девушка порядочная! И не абы кто! Со всякими престарелыми извращенцами не общаюсь…» Так что пришлось немножко сбить

свой декларируемый возраст:

– Не переживай ты так, мне ещё до ста лет – дышать и дышать! Ты лучше скажи: твоей подруге Марте нужен помощник для изучения дворца?

В данный момент я находился на распутье: деятельность дипломата, представителя когуяров, казалась более перспективной, чистой, совсем не пыльной. Но если я назовусь подобным груздем, то и отношение ко мне станет совершенно иное. Так просто уже по данному дивному комплексу не побродишь, так легко всякую лепнину не пощупаешь. Зато будучи на некоей синекуре официально, смогу ходить где угодно, ни у кого своими действиями не вызывая излишнего любопытства.

Ну а по поводу создания представительства от когуяров можно его организовать в любой момент. Ещё и заранее сделать в его адрес соответствующие заявления и обозначить несколько толстых намёков. Типа: на самом-то деле я не тот, за кого вы меня принимаете, но сейчас ещё не время хвастаться и открывать своё истинное лицо.

Вот потому и прощупывал почву. Вот потому и прислушивался внимательно к ответу не последнего человека в империи, самого шеф-повара:

– Ещё как нужен! Она, бедная, с ног сбилась, пытаясь привлекать на временную помощь кого угодно из числа носителей. Да только они, сволочи!.. Ой, это я не тебя имела в виду! …Только они игнорируют просьбы и даже приказы Марты, ссылаясь на свою невероятную занятость. А ты только подумай, какая опасность грозит нам всем, если во дворец по подземным ходам просочатся зроаки? Ужас!

– То есть меня не отвергнут?

– Что за вопрос? Считай, что ты уже назначен на эту должность исследователя официально! – горячо меня заверила Оляна, в нетерпении вскакивая с места и устремляясь на выход со словами: – У неё даже своё официальное название есть: атрегут.

– Никогда не слышал такого слова…

– Оно наше, с Эйтрана, – последовали пояснения. – Атрегут – это учёный, познающий твердь. Чаще всего он же и главный архитектор больших зданий или целых комплексов. Понятно? – Получив от меня кивок, поторопила: – Доедай быстренько, и мы пойдём искать коменданта немедленно. Она как узнает, что ты Трёхщитный, из своих ручек тебя уже не отпустит!.. А я тут пару указаний раздам…

Ускоренно работая вилкой, я пожалел, что не успел спросить у всезнайки Оляны (а повара, как правило, знают больше, чем контрразведка), кто в империи заведует учётом личного состава. Поиск значков – это здорово, особенно в перспективе, но и про подруг забывать не стоит. Я ведь ради них сюда и прорывался. Можно сказать, на смерть пошёл и живота лишился, разыскивая девчонок. Меня на эту сторону гор Велеса в виде трупа доставили, но это не значит, что я забыл о самом главном.

С другой стороны, окажись я в близком окружении коменданта, мне по служебной должности не составит труда отыскать кого надо в течение суток. А то и быстрее. Так что действую я правильно. И послышалась в подсознании фраза из какого-то допотопного фильма: «Верной дорогой идёте, товарищи!»

Под неё и договорил остатки доставленного мне усиленного пайка. Ещё бы ел, да нечего, поэтому сразу потянуло в сон, и я в течение нескольких минут боролся с дремотным состоянием. Уже решился двигаться к дивану, как примчалась Оляна с солидным пакетом:

– Только что перехватила посыльного, тебе форму доставил! – выпалила она с порога. – Одевайся!

Во время моего переодевания дама не просто рассматривала, а всеми правдами и неправдами старалась помочь. При этом и ручками не туда попадала, и прижималась не совсем с нужных сторон. Как ни странно, при всём моём согласии на что угодно одеться мне удалось вполне быстро. Что ещё больше всего удивило, так это идеально подобранные для меня размеры доставленной униформы. Даже обувь оказалась всего лишь на один размер больше. И только живота у меня не хватало для натяжения ткани в должных местах.

– Худощав! – констатировала царица здешней кухни, поправляя на мне френч и несколько бесцеремонно поворачивая разными боками. – Но всё равно хорош! А

знаки отличия атрегута только лоска и значимости добавят. Разве что форменное кепи слишком уж глаза прикрывает… Давай вот так… Теперь лучше… – И тут же без всякого стеснения призналась: – Ты знаешь, я тебя к Марте уже почему-то ревную. И жалею, что её пригласила с нами расслабиться. Меня не бросишь ради неё?

– Ну что ты, – не стал я кривить душой. – С вами двумя намного лучше, чем с одной.

На что она сразу взгрустнула и печально вздохнула:

– Все вы нами, кто во дворце и в столице проживает постоянно, пользуетесь! У некоторых мужиков и по пять постоянных партнёрш… – Ещё и слёзы на глаза навернулись: – А мой жених погиб за год до эвакуации из мира Герчери…

Я постарался её прижать к себе в меру крепко, поцеловать в шейку и влить в неё немного оптимизма:

– Главное, что ты выжила, а счастье всё равно тебя найдёт. Важно, чтобы империя воссоединилась с остальным миром. А уж там столько славных воинов, готовых увиваться за такой красоткой, что сразу выскочишь замуж.

Кажется, она ждала от меня несколько иных слов. Но и этим порадовалась:

– Ладно, не обращай внимания на мои нюни! Побежали искать нашу грозную и строгую мадам Вольна.

Главный зал готовки мы пересекали под смешки и незлобные подначки со стороны языкастых поварих. Я делал морду ящиком, словно меня и не касается, тогда как шеф-повар грозно покрикивала на подчинённых и пыталась их испепелить взглядами. Якобы… Потому что явно притворялась в своей строгости и явно хвасталась своим сопровождающим.

В общем коридоре, заметив, что мы идём в иную сторону, я припомнил:

– Хотелось бы и в свою палату заглянуть, и со своим врачом увидеться…

– Зачем? – моя опекунша даже не приостановилась.

– Да хотя бы о новой должности у него спросить. Вдруг и он согласится на нечто подобное? Он ведь Двухщитный.

– Чего раньше времени суетиться? Вот станешь первым заместителем коменданта, кого угодно в штат своего отдела наберёшь.

Правильно она говорила, не оспоришь. Так что я постарался не отставать от шеф-повара, но при этом более внимательно присматриваться к окружающим нас стенам, сводам, удобным для «первого шага» выступам. И что-то такое в двух местах заметил на большой высоте залов. Потому и шёл не под ноги глядя, а в потолки пялясь. И хоть столкнулся пару раз с кем-то, да свою опекуншу чуть не затоптал, не скрывал свой странный интерес. Со стороны тотчас становилось понятно: парень фанатично влюблён в детали внутреннего интерьера и дизайна.

Зато почти совершенно не обращал внимания на людей и прошляпил группу из нескольких человек, которой идущие перед нами люди уступили дорогу. Успел рассмотреть только высокого, странно знакомого офицера, который своим телом закрывал от меня пышно разряженную женщину. После чего группа немедля свернула в первый же коридор налево. Я сообразил поинтересоваться у замершей на месте Оляны:

– Кто это был? – имея в виду скорей офицера.

– Одна из принцесс Герчери, сестёр императрицы, со своей свитой, – очень уважительно сообщила мне моя новая знакомая. – А кто именно, я и сама рассмотреть не успела. Они такие славные, и зовут их…

– Старые? – заинтересовался я более ценной информацией, чем какие-то имена.

– Ты что? – поразилась красавица, вновь возобновляя движение. – Ничего о них не знаешь?.. Нам сюда…

– Такой вот я отсталый крестьянин. Ха-ха! Сюда везли в лечебном сне, а пришёл в себя всего лишь за пару часов до знакомства с тобой. А ты, вместо того чтобы о каждой принцессе дать мне полный расклад, собой сразу соблазнила.

– И правильно сделала! Нечего тебе на принцесс заглядываться…

– Да и про императрицу вы сплетничали, что она фаворитов меняет как перчатки, – паясничал я. – И если она не старая…

– Замолчи! – вдруг стала злиться Оляна. – Будешь такие гадости про дочерей богини Герчери говорить, тебя прямо здесь толпа затопчет!

– Да я ничего…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yuriy-ivanovich/rol-chuzhaka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити